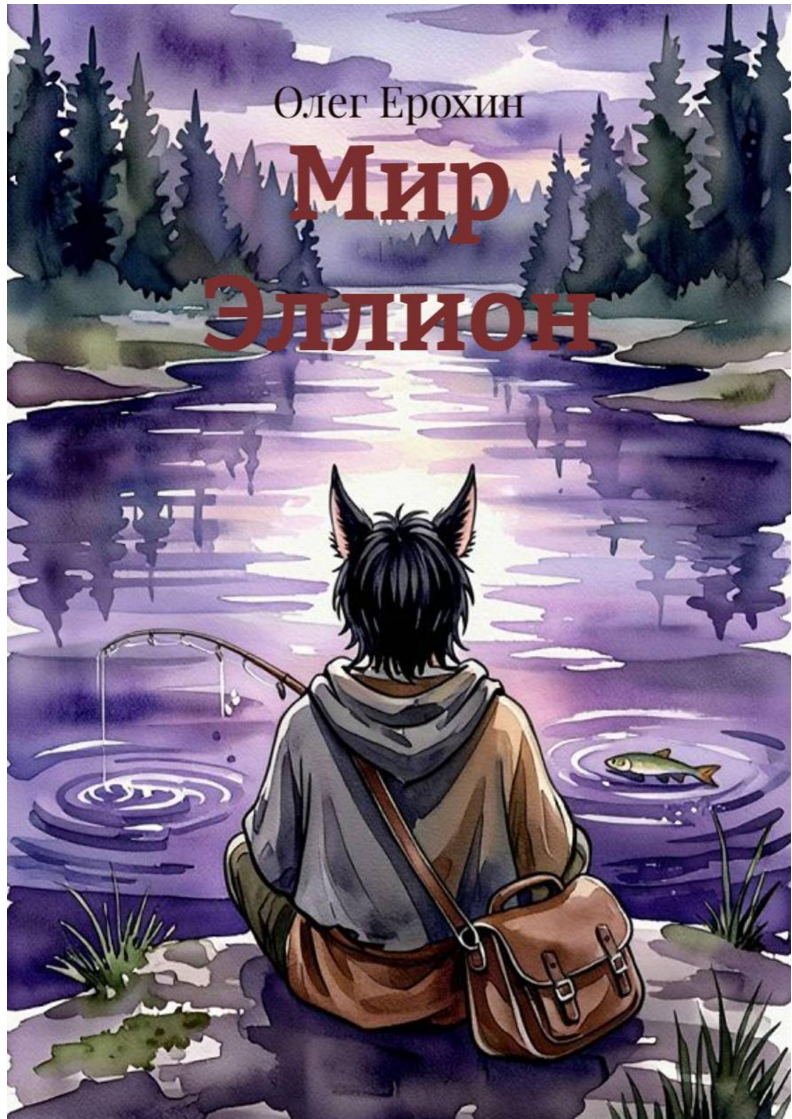

Олег Ерохин

Мир Эллион

Олег Ерохин

Мир Эллион

<https://litres.ru/74652489>

SelfPub; 2026

Аннотация

История гремлина, родившегося с удочкой в руке. Сможет ли он выжить в мире мародёров, огненных магов, наёмных убийц, охотников за головами, двуногих лисиц и мастеров заплечных дел? Да легко, - локтями, коленками, зубами, - глядишь, и выкарабкается, лишь бы только кот не помешал.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Мир Эллион

Глава

- А-тя-тя-тя!

С довольным причмокиванием педель Бенедикт крутил ухо юному гремлину, стаскивая его с пенька.

Худоватый, ростом в четыре локтя, Гуча рыбачил на своём любимом месте, у ракитового куста. А должен быть в школе. Быстротечная речушка Истрица, вытекавшая в этом месте из зева горы, делала разворот, с одной стороны образуя мелководную заводь, где всегда плескалась мелкая рыбёшка. Вообще-то Гуча не собирался задерживаться на рыбалке дольше обеденного перерыва, но это благое намерение он имел каждый день и при этом регулярно опаздывал на урок. Не иначе, педелю кто-то наябедничал, иначе как бы Бенедикт нашел его здесь, не поленившись продраться сквозь заросли ивняка и осоки. Узнать бы, кто ябеда.

- Ослабони ухо! Ослабони! - Гуча так ловко и энергично пихался, что педель отпустил его, - не потому что толчки мальчишки были чувствительны, а потому что не хотел измазаться в пахнущей гниющими водорослями грязи, к чему непременно привела бы продолжительная потасовка.

- Отцу скажу, он тебя выпорет. - Сероватая, небритая

физиономия педеля приобрела фиолетовый оттенок гнева. - Пошел давай, на уроки! - И педель ловким ударом опрокинул в воду перемазанный в саже котелок, где плескались три уклейки с ладонь. Рядом лежала кучка обычных уловов здешних мест, - тряпки с налипшей грязью, требующий каши сапог, маленькая деревянная лошадка с отломленным хвостом. Истрица, беря начало где-то в заснеженных вершинах, то текла по поверхности горы, то уходила в гору, местами минуя жилища гремлинов. Неудивительно, что, изливаясь у подножия горы, она несла с собой всякую всячину. Раскидывать этот "улов" ногой педель не стал, - такой мусорной кучи противно было касаться.

Гуча ловко швырнул удочку в самые заросли, выбирая место, где больше всего колючей зацепушки, и был вознагражден: педель не полез в колючки, хотя явно был не прочь сломать удочку. Насчёт отца Гуча не опасался: по жалобам из школы отец никогда не бил его, для этого воспитательного мероприятия находились другие причины. Да никто и не пошёл бы к старику с ябедой, - все в школе знали, что однажды отец Гучи, мистер Лукас Камнеглот, запустил в училку младших классов пустой бутылкой, когда она сунулась надоедать насчёт поведения отпрыска. Но и быть исключенным Гуча не собирался, поэтому он гордо зашагал впереди педеля, в сторону школы. Продираясь сквозь заросли, Гуча старался, чтобы ветки хлестали педеля как можно сильнее, так что он вскоре с удовольствием выслушивал ругательства, раздавав-

шиеся за спиной.

До школы было менее лиги, поэтому экзекуция хлёсткими ветками не продолжалась слишком долго.

Гуча собирался сразу пройти на урок, в пятую пещеру, где его одноклассники усердно занимались раскачкой необходимых всякому разведчику умений, - хитроумию, ловкачеству, ну и, конечно же, гримасничанию. Старый гремлин Кристофор вёл урок, - старикан был совсем не плох, во всяком случае, двадцать лет назад, и лишь недавно стал заговариваться. С Кристофором Гуча бы поладил, но - дело худо - в школьном дворе его встречала, казалось, вся школа (кроме малявок). Значит, готовилось зрелище. Он мельком посмотрел на статую Стоединого Бога, который был изваян из красивого ржаво-красного гранита. На этот раз, скульптор изобразил бога в ипостаси Воителя. Нет, от Воителя помощи не жди, вот если бы Торговец или Меняла...

Гуча остановился, на виду у всех. А есть ли эта ипостась у Стоединого, - Меняла?

Молодой гремлин шёрсткой чувствовал, как на него пялились, показывали пальцами. Он учился в выпускном классе - уже и не мальчик, но ещё и не мужчина. Пацаны посмеивались. В военной школе обучалось пять юных гремлинов, - эти то хихикали, то смущались, потупив глазки. И зачем только девчонок сюда берут?

В военной школе (других в деревне не было) обязаны были обучаться все гремлины мужского пола, а женского - толь-

ко те, у которых были особенные способности при рождении, обычно это заключалось в дополнительном уровне в силе или ловкости. Считалось, то был знак Стоединого, - этим гремлиншам не суждено было наедать бока у печи, их ждала особенная судьба... Гуча прекрасно знал правила, но было стыдно заголяться перед девчонками. Это был не первый пропуск занятий, - его разденут и будут пороть...

Только младшие школьники не обращали на него внимание, - смеялись, тузили друг дружку, а если и обзывались, то не по адресу Гучи.

Впереди школьников стояли четыре учителя-наставника. Скучал полуухий Зарух (поговаривали, будто виверна откусила ему пол уха ещё в детском возрасте). Старик Кристофор со слезящимися глазами едва ли понимал, что здесь делает. Низкорослый, нудный Кляйн сплетничал вполголоса с толстой, добродушной миссис Ламбах, похожей на ласковую хомячиху. Ламбах преподавала алхимию.

Впереди всех стоял мистер Люренсдорф, директор школы, - сутулый длиннорукий гремлин еще не старческого возраста, высокий, почти на пол-локтя выше Гучи. Мистер Люренсдорф преподавал естествознание, - наверное, самый нудный предмет, ненавидимый Гучей, содержащий начатки астрологии, стихийной магии и некромантии.

- Итак, мистер Гуча Камнеглот, - произнес директор с важностью, - приблизьтесь и изволите объясниться.

Гуча сделал три шага вперёд, краем глаза замечая, что во-

рота в ограде поспешно закрывали двое парнишек из класса на год младше. Шепнув приказ насчет ворот, педель Бенедикт, отлично знавший, как далее будут развиваться события, направился к пучку нарезанных ивовых веток, специально хранившихся в высоком коробе для подобных обстоятельств.

- Была перемена, и я ушел удить рыбу, - сказал Гуча, с вызовом глядя на мощную щетину, выглядывающую из ноздрей директора.

- А завтра какой у нас день, мистер Гуча Камнеглот? - поинтересовался директор.

- Завтра выварка. У меня 8й уровень, я подхожу.

- Восьмой уровень? - голос директора был въедлив. - Что ж, посмотрим.

Гуча почувствовал легкий холодок, - его показатели открыли. Мистер Люренсдорф начал зачитывать, попутно комментируя прочитанное:

- Итак-с, что мы имеем...

- **"Имя: Гуча Камнеглот"**. Да, действительно, он самый и есть.

- **"Общий уровень 8"** . Как будто неплохо, да?

Общий восьмой уровень означал, что Гуча допускался до выварки, потому-то он не особенно беспокоился насчет прогула. Однако что-то в голосе директора внушало тревогу.

Мистер Люренсдорф продолжил:

- **"Статус: Простолюдин"**. Надо же, - глумился мистер

Люренсдорф, - а я уже подумал, вот шагает на порку великий Герой.

"Раса: Гремлин горный". Жаль, что не горный козёл.

"Расовый бонус: сумеречное зрение". И это явно не твоя заслуга, парень.

"Класс: Разведчик". Да неужели.

"Живучесть: 8". Невелика заслуга, меньше только у первоклашек. (Здесь мистер Люренсдорф прилгнул, - у мелких не было и третьего уровня в живучести. Но директорам, как известно, можно лгать, воровать и двурушничать.)

"Ловкачество: 1". Да ты неуклюжий как младенец, смеху подобно.

"Сила: 2." Слабенько.

"Хитроумие: 1". Глуп, как пробка. Этого стоило ожидать.

"Гримасничество: 1". Думаю, после первого десятка розог твоя мимика станет оживленнее, вот и повысишь показатель.

- И всё же **Общий уровень 8**, - проговорил директор, как бы в раздумье. - Казалось бы, неплохо, - он сделал театральную паузу. - А только благодаря чему? - Мистер Люренсдорф продолжил зачитывать профиль Гучи:

- А, вот оно.

"Извилины: всего 1 слот". - И этот слот, представьте, заполнен, - саркастически проговорил директор, - И чем же?

И мистер Люренсдорф зачитал с ударением ка каждом

слове, как будто приводил неопровержимое доказательство преступления:

- "Искусство рыболовства, уровень 7." Рыболовство!

Последнее слово мистер Люренсдорф не сказал, а выхаркнул, словно бы обвиняя Гучу в страшном грехе, наподобие ниспровержения статуи Стоединого Бога, поджоге храма или крысятничестве.

Директор принялся развивать свою мысль:

- Да, воля Стоединого дала тебе 8-й общий уровень, но только благодаря тому, что какой-то бродяга научил тебя рыбалке. - Мистер Люренсдорф не скрывал своего раздражения. - Дети, какие умения приличествуют гремлинам?

Школьники-гремлины закричали вразнобой:

- Взлом замков! Арбалет! Кинжал! Метание дротиков!

- Подсматривание! - писклявым голосом вставила какая-то малышка. Гуча не был уверен, что вообще такое умение существовало в природе.

- А как насчет именных умений? - поинтересовался директор, словно спрашивал урок. - Мистер Кляйн, вы же проходили с выпускниками именные умения?

- Обязательно, мистер Люренсдорф, - затараторил Кляйн.

- Целый месяц изучали! Грызли гранит науки, так сказать! Что же вы, ребятки?

Отозвались отличники (эти, конечно, всегда готовы были поставить подножку однокласснику):

- Взгляд василиска Бромериуса!

- Малая мушка Зуде!

- Глохни-свист Кампассиадора!

- А ещё? - директор взглянул на Агнессу Ульбрехт, круглую отличницу и объект тайных воздыханий Гучи.

Девчонка сыпанула как из автомата:

- Кульбит Замбези Пресветлого! Малый перст Га-Новара!

Глаз Иссоля Бессмертного! Помышление...

- Да будьте вы прокляты со своими перстами и кульбитами, - процедил Гуча сквозь зубы, - негромко, но услышали все. Он возвысил голос:

- Я не собираюсь вербоваться в армию, господин директор. И не хочу, как отец, на грибной ферме горбиться, грыжу зарабатывать. Лучше буду хорошим рыбаком.

Возмутительное, непростительное поведение!

- Двадцать плетей, - отрезал мистер Люренсдорф. - Да с протяжкой, у него там кожа воловья. Дурень дурнем, а живучесть накачал-таки. Впрочем, если придумаешь, как от плетей избавиться, может и хитроумие качнёшь. - Последние слова мистер Люренсдорф произнес, стараясь вложить в голос как можно больше яда. - Мистер Бенедикт, во славу Стоединого!

Упомянув все Стоединого, Люренсдорф повернулся к его изваянию, привычно принимая молитвенное выражение.

Гуча направился к деревянной колоде. Полагалось оголить спину и опуститься на колени, затем обхватить колоду руками. Мальчиков средних классов частенько вели к коло-

де под руки. Для старшеклассника являлось позором показывать страх перед телесным наказанием, поэтому Гуча не прекословил. Педель Бенедикт уже стоял у колоды. Процесс порки ему нравился, и если его предшественник поручал пороть кому-то из старшеклассников, то педель Бенедикт всё делал сам.

На пути к колоде Гуча должен был миновать статую Бога. Стоединый возвышался над всеми благодаря своему росту в 16 локтей, вытесанный из цельной глыбы гранита с немалым искусством. На груди у Бога был панцирь с замысловатым рисунком, в правой руке он сжимал топор. Ипостась Бога дозволялось изображать в образе любой расы. Разумеется, в местечках гремлинов Стоединый обычно изображался в образе гремлины. Однако ипостась Воителя в теле гремлины смотрелась неубедительно, поскольку гремлины были ребята, скажем, не самые осанистые. Неизвестный скульптор изваял Стоединого для школы Гучи в образе не то нумидийца, не то огра. В пользу нумидийца говорили большие губы, в пользу огра - покатые плечи и большой живот. Определенность внесла бы голова, поскольку все огры были лысые, а все нумидийцы - с курчавыми волосами, нумидийская молодёжь обожала дреды. Но голова Бога была покрыта шлемом с пышным плюмажем.

И вот, проходя мимо статуи Бога, Гуча Камнеглот плюнул прямо в богатырскую грудь божества.

Неслыханное святотатство!

Смачный харчок медленно потек по гранитному нагруднику с изображением битвы драконов.

- Мистер Бенедикт, хватайте этого негодника! - директор был в ярости. - Плетей здесь мало. Этим делом должен заняться храм, тут костерком пахнет, во славу Стоединого!

Мистер Бенедикт, не упуская из правой руки пучок розог, левой больно схватил Гучу за предплечье, - так орёл, налетев с высоты, впивается когтями в трепещущую добычу. Гуча немедленно ответил хорошим укусом, - сомкнул челюсти, с удовольствием ощутив привкус крови педеля. Педель заорал. Розги были выброшены, после чего освободившаяся рука безапелляционно вцепилась юноше в волосы. Тут уж взвыл Гуча. Выпустив руку педеля из зубов, он стал царапать и дубасить, насколько хватало сил, худосочного, оглобlistого педеля. В результате достиг успехов: педель оставил в покое Гучу, взяв, в качестве утешительного приза, клочок его волос, после чего юный гремлин припустил к ограде. При должной сноровке, было возможно перемахнуть через ограду (директор много раз обещал пустить поверху колючку, но так и не пустил, - не то просто пугал, не то украл выделенные на неё деньги).

- Вольфганг, Тумас, чего смотрите! Хватайте его! - воззвал мистер Люренсдорф.

Вольфганг и Тумас были два увальня, чьей отличительной особенностью являлось утробистое телосложение. Осо-

бым усердием они не блистали, зато в показателях имели на 4 балла больше, чем у Гучи. Секрета в таком достижении не было: мистер Люренсдорф в конце каждого учебного года поощрял лучших учеников, то есть подхалимов, стукачей и дуболомов. Директор дарил каждому отличившемуся по эбеновой табличке с магической формулой. Такая табличка позволяла повесить на единичку какой-то определенный параметр. Вольфганг и Тумас получили по четыре такие таблички и явно намеревались получить, по итогам заключительного года обучения, пятую.

Помимо этих двух доброхотов, другие ученики особой прыти не проявили, хотя всю развлекались разворачивающейся перед ними драмой побега, погони и наказания.

Ранее Гуча уже перемахивал через школьную ограду, имелся такой опыт. Он не сомневался, что и в этот раз удастся. Ограда была рядом, он уже торжествовал победу, но... ни с того ни с сего, на ровном месте, споткнулся на бегу и размашисто, в клубящемся облаке пыли, шлепнулся о землю. Сво-лочи, поставили подножку! Тут подоспели Вольфганг, Тумас и доведённый до белого каления педель Бенедикт. Силы были слишком неравны. Свободолюбивые потуги Гучи немедленно пресеклись, руки были скручены за спину. Его пригнули к земле. Наклонившись, педель, с дрожащим от гнева подбородком, отвесил ему оглушительную оплеуху.

Зрители молчали, даже семки не щёлкались.

Сейчас, сейчас финал экзекуции.

Неожиданно в торжественной тишине раздался чуть насмешливый голос:

- Это что ещё такое, а?

Гуча, - лилово-красный, разгоряченный, в пылу потасовки позабывший обо всём, - посмотрел на голос. Заговорил человек, поставивший ему подножку. До этого Гуча его не видел, - ни в школе, ни в деревне. Невысокий, сухощавый, с короткой бородкой, обрамлявшей тонкие губы. В мире Эллион жило несколько человеческих рас, - судя по желтоватой коже и полному набору оволосения, это был абиссинец. И откуда он взялся, скотина эдакая.

- Вот что, приятель, - бодро начал директор, едва взглянув на незнакомца. - Ты, верно, заблудился случаем... - и тут голос мистера Люренсдорфа чудесным образом осип, будто ему на голосовые связки сыпанули песку только что из пустыни. - Ваша Светлость... -Директор согнулся в поясном поклоне, одновременно знаками показывая окружающим проявить почтение.

Внимание всех переключилось с Гучи на незнакомца. И учителя и ученики, один за другим, стали сгибать спины в низком поклоне. И дело тут было не в неукоснительном приказе директора.

И учителя, и школьники пристально вглядывались в лицо незнакомца. Профиль мог быть закрыт, но сейчас он был открыт для всех, - и то, что мог увидеть каждый, вызывало благоговейный восторг.

В кои веки их деревушку, Гусь-В-Присядку, посетил Герой!

Кроме этого человека, у всех собравшихся на школьном дворе был статус "простолюдин". И Гуча был простолюдин, и даже господин директор. И староста деревни, и трактирщик, и лавочники... Из деревенских стариков большинство не встречало Героя за всю свою жизнь ни разу, а которые встречали, только про это и точили лясы на завалинках и в трактире.

Гуча, открыв профиль незнакомца, прочитал:

Имя: Джон Мелликар, общий уровень 382.

Статус: Герой.

Раса: Абиссинец.

Расовый бонус: ср одство с тенью.

Класс : Воин-лекарь.

Далее шло перечисление характеристик и способностей, именных и неименных, и все были столь высоких уровней, что у Гучи захватывало дух. И какие это были способности, не какой-то "укус ехидны Прихны", но - "Взгляд дракона Каскарона", ухх!..

И ведь мало того, что этот человек был Героем.

Джон Мелликар, - так звали одного из девяти правителей государства, одного из девяти владельцев замка Вышняя Твердь. Уж как ни скверно учился Гуча, сколько бы он не пропускал, но даже он знал это имя. (Чтобы облегчить школьникам запоминание имён правителей, имелась шуточ-

ная скороговорка).

На светлости Мелликаре был желтый плащ искусной выделки, сапоги с отворотами, каковые обычно надевают всадники в дорогу. На голове - замшевый берет с пером. То есть выглядел Герой весьма ярко и колоритно, так почему же Гуча сразу не заметил его среди толпы? И ведь никто его не замечал, пока он не заговорил.

Расовый бонус: сродство с тенью, - наверное, в этом всё дело, подумал Гуча. Тут ему на глаза попался старый учитель Кристофор и Гучу позабавило, - старик, баловавшийся спиртным, даже протрезвел от значительности момента, - голова перестала трястись и взгляд сделался почти осмысленный.

Гуча не знал, что в это самое время старый учитель разгадывал загадку. Именно он преподавал в третьем классе "Расы и народности нашего мира", и, насколько он помнил, у абиссинцев был расовый бонус "**сокрытие в тени**". Но у светлости Мелликара был расовый бонус "**сродство с тенью**", - несомненно, гораздо более сильный. "Должно быть, - подумал учитель Кристофор, - расовый бонус поменялся, когда Его Светлость достигли сотого уровня". Мысль показалась настолько умной, что старый учитель облегченно выдохнул, - по носам присутствующих пробежала волна перегара.

Джон Мелликар наклонил голову, изображая вежливый ответ на общие поклоны, после чего подал знак расслабить-

ся. Таким небрежным жестом отсылают погулять собаку.

Герой проговорил, как бы в раздумье:

- Мистер Люренсдорф, - вы, как я понимаю, директор этого заведения?

- Точно так, Ваша Светлость!

- И чего привязались к мальчишке. Вы же сами дали ему задание, избежать порки любой ценой. Вот он и избежал, поменял порку на костёр. Вы же отменили порку ради костра, я верно услышал?

- Да, отменил. Но насчёт костра...я погорячился. - Мистер Люренсдорф вовсе не хотел выглядеть кровожадным. - Уверен, мальчик сделал это по глупости-неразумности. Отец пьяница, матери нет. Хорошая порка будет достаточным наказанием.

- Наказанием - за что? Наказание за рыбалку мы, как понимаю, проехали.

- Стоединый, да будет славен вовек...Его величие...Посвяительство...Кошунство...

- Не думаю, что величие Бога пострадало от капли слюны, попавшей на кусок гранита. Харчок уже и высох. К тому же, Стоединый выказал своё отношение ко всей этой свистопляске, прямо сейчас поощрив юношу. Уж не собираетесь ли Вы наказывать его в тот самый день, когда Бог явил ему своё благоволение?

- Ваша Светлость... Не понимаю...

- Сделайте милость, мистер Люренсдорф, взгляните еще

раз на профиль юноши, - терпеливо и с едва заметным нажимом произнес Герой. - Видите?

- Я... не понимаю...

- В следующий миг после того, как юноша плюнул в эту каменную громадину, он получил новый уровень в **хитроумии**. Разве не так?

- Да. Вижу, - произнес директор отрывисто. – **Хитроумие: 2**. Но раз его нельзя выпороть сегодня, может быть, завтра утром...

- Полагаю, любой жрец Стоединого, независимо от цвета рясы, сейчас обвинил бы вас в святотатстве, - отрезал Герой.

- А, вон вижу отца исповедника. Что скажете, отец?

Как это было принято повсеместно, в военной школе Стоединую Истину преподавал жрец из местного храма, принадлежавший к самому распространенному ордену исповедников. Сейчас отец Ульрих (маленький, надушенный греmlin) стоял за спинами учеников, Гуча даже не заметил его поначалу. Все знали, что отец Ульрих не ладил с директором, и сейчас жрец воспользовался моментом:

- Истинно так, Ваша Светлость. Перенести порку на завтра - это всё равно, что хитрить с Господом.

Мистер Люренсдорф покраснел, но сделать уже нечего не мог.

- Ваша правда, Светлейший, - он опять низко поклонился Герою. - И Вам спасибо, отец Ульрих, что удержали меня от греха. (В голосе директора было столько мёда, что не остава-

лось сомнений, - этот день он ещё припомнит жрецу). - Гуча, мальчик мой! (Гуча с опаской подошел к директору.) Теперь вижу, какого хорошего паренька мы воспитали, - директор хотел потрепать Гучу по щеке, но тот уклонился.- А теперь, ребятки, все - по классам и за парты!

- Отставить парты, - сказал Джон Мелликар, не повышая тона. - У меня дело к твоей милости, мистер Люренсдорф. Да, знаю, завтра выварка. На выварке быть всем выпускникам, а сейчас всех по домам распустить.

Не дожидаясь знака директора, школьники и учителя стали расходиться. Джон Мелликар и директор направились в директорский кабинет. "Выпускники, не забудьте, завтра - выварка!", - крикнула колготная миссис Ламбах, училка алхимии...

Гуча неспешно направился к воротам. Он не был выпорот, хотя и заслуживал, чего скрывать. Он был замечен Героем. Он победил. Конечно, директор отомстил бы ему десять раз, ведь Люренсдорфу пришлось, против воли, отменить наказание. Однако завтра был последний день в школе - день выварки, и на этом власть мистера Люренсдорфа над ним заканчивалась. А что дальше?

Гуча неплохо представлял себе, что с ним, да и с другими выпускниками, будет дальше. Первым делом, по окончании выварки всем им предложат завербоваться в армию Замка на 5 лет. Офицер-вербовщик всегда приглашается на выпускной. Выпускники разбивались примерно пополам: одни воз-

вращались к родителям, чтобы выращивать грибы в сумраке горы. Другие записывались у вербовщика. И то сказать, 50 золотых давали при вербовке и ещё по сотне - за каждый полный год в армии, плюс премиальные за участие в боевых действиях. Один юноша, Рикки Фогель, слыл святошей, - никто не знал больше его цитат из Стоединой Истины и никто скучнее его не рассказывал байки, у него они всегда заканчивались нравоучением. Этот подастся в жрецы. Гуча... Гуча знал точно, кем он будет, не хуже помешанного на святости парнишки. Конечно, он будет профессиональным рыболовом. Что может быть лучше, - путешествовать по миру, удить рыбу, смотреть, как заходящее солнце окрашивает в медь и пурпур поверхность вод. Уже сейчас, имея всего седьмой уровень в рыбалке, он мог преспокойно натягать в мелководной Истрице крупных верхоглядов-полосатиков, себе и отцу на еду. А если ещё наберет три уровня, глядишь, сможет ловить благородного сомоуса, для своей кухни и на продажу.

Гуча не успел выйти за ворота, а его уже окружили приятели.

- Здорово ты кусанул педеля! Что, он вкусный? - начал зубоскалить Тимми Шефер.

- Та не, - Гуча усмехнулся. - Ты посочнее будешь, - И он скорчил зверскую рожу.

- Вы лучше скажите, кем хотите стать после школы. Я, наверное, завербуюсь в армию, - сказал лучший друг Гучи,

Питер Вольф.

- Мы тоже будем военными, как отец, - переглянулись Тимми и Димми, близнецы. Они грезили военной службой, мнили себя военными полководцами, вот только не могли решить, кто у кого будет в подчинении. Мальчишек не смущало, что отец, Пауль Шефер, вернулся из армии калекой, без правой руки и с глубокими шрамами, наискосок пересекавшими лицо. Одного глаза не было, - вылутил королевский грифон, а руку отсёк мечник сеттянин. Руку, впрочем, удалось вернуть, - отрастили в храме, хоть и стоило это половину денег, с которыми старший Шефер вернулся домой. Можно было бы вернуть и глаз, то тогда бы получилось, что Пауль Шефер воевал на шару, то есть оказался в дураках, а стать посмешищем на деревне никому не хотелось.

А ты, кабанчик? - спросил Питер самого толстого участника компании, Бена Гоффмана, Толстяка Бена, как его называли в школе.

- Я? Я тоже буду как папа, - отдуваясь на подъёме, сказал толстяк. - Сначала буду ему помогать. А после, как время придет, займу его место.

Отец Толстяка Бена, Томас Гоффман, содержал трактир на выезде из деревни, недалеко от боковой дороги, что вела в более крупную деревушку, Загорлицу.

- А ты, Гуча? - И Питер подмигнул другу, выглядевшему неважно после недавней потасовки.

- Я буду рыболовом. Чего лыбьтесь? Я буду рыболовом

про. - А ты, Агни? - Он посмотрел на единственную девочку из их компании. - Будешь дома сидеть, варить гнилушки на обед и нянькать ребятню? Мужа выбрала уже? Может, я гожусь?

- Ты-то? - девчонка засмеялась.- Подрасти еще на полвершка, может и сгодишься!

Агнесса неспроста оказалась в военной школе для мальчиков, - при рождении она имела в ловкачестве неслыханный пятый уровень. Согласно обычаю, сразу после рождения младенца осматривали старейшины деревни и местный жрец. Если младенец был дефектный, то есть его характеристики в профиле отходили от нормы, считалось, что он носил в себе порчу Инакого, был отмечен его печатью. Имея божественную природу, Инакий был врагом Стоединого и всего сущего. Подлинное его имя было жреческой тайной, всем полагалось называть древнего бога Инаким, дабы не окликать зло. Говорили, будто его подлинное имя значилось в 63-м томе Стоединой Истины, - единственном томе, читать который дозволялось только жрецам.

Испорченный Инаким младенец подлежал умерщвлению: его сбрасывали со скалы. Хорошо угостившись в таверне, старики рассказывали, что их отцы застали времена, когда половина новорожденных сбрасывалась с утёса, столь велика была порча Инакого. Но вот лет пять уже, до рождения Агнессы, с ближайших скал никого не сбрасывали. И тут - пятый уровень в ловкачестве при рождении, тогда как боль-

шинство младенцев имели первый, и исключительно редко - второй. И мало того, этот пятый уровень был у девочки...

Наверное, отведали бы местные падалыщики косточек Агнессы, но она была единственным ребенком в семье Ульбрехтов, местных богачей, вельмож сельского масштаба. Пару было уже много за сорок, и это был их первый ребёнок (как оказалось позже, и единственный). Пока старики спорили, от Генриха Ульбрехта, отца семейства, во все стороны полетели гонцы, - нужен был жрец из ордена инквизиторов. Слово инквизитора в подобных делах всегда считалось решающим. Инквизиторы совершали объезды деревушек, высматривая, не было ли где порчи Инакого, - и как раз в соседней избушке, в гостинице, посланцы Ульбрехта обнаружили инквизитора Людвига Вассу.

Фригиец Людвиг Васса был тучен, похотлив и обжорист. И при всём том это был добродушный толстяк, приговаривавший младенцев к сбросу с утёса не чаще, чем раз в полгода. Инквизитор, радея о славе Стоединого, откликнулся на зов почтенного Ульбрехта. Отец Людвиг самолично осмотрел новорожденную и вынес вердикт: порчи Инакого нет. Как он пояснил, для гремлинов-разведчиков максимально допустимый показатель ловкчества при рождении 5, что и было у младенца. А вот если бы было 6 - тогда да, надо сбрасывать. Злые языки поговаривали, что за такой вердикт Людвиг Васса получил мешок с золотом от отца малютки. Как бы ни было, маленькая Агнесса была спасена, и дальней-

шее её развитие не показывало никаких отклонений (причём проверяющих, контролирующих было предостаточно).

Сейчас Агнесса Ульбрехт имела общий уровень 12, и это против восьмого у Гучи. Причём слот в извилинах Агнессы не занимала, свой 12-й уровень она имела только благодаря отличным показателям в основных параметрах и способностях. Агнесса как-то сказала, что отец обещал ей купить что-нибудь для слота извилин, какое-нибудь редкое и ценное умение, после того как она пройдёт выварку. Это было разумно, ведь при выварке класс всегда менялся, причём менялся не совсем предсказуемо. Логично было подбирать гримуар для того класса, который оставался на всю жизнь, а не для того, который давался при рождении и исчезал при выварке.

- Я маленький? - Гуча сделал вид, что расстроился. Может, он бы и расстроился, но Агнесса была ростом ниже его.
- Сейчас я вырасту. Вот. - Он поднялся на цыпочки. - Что, берешь меня в мужья?

- Беру в рыболовы, - зубоскалила девчонка. - Будешь приносить мне рыбу бесплатно? Или нужно будет покупать?

- А у тебя будут деньги, чтобы покупать? - смеялся Гуча.
- Ты же у нас самая бедная на деревне!

- Я-то бедная? - Тут Агнесса догадалась, что Гуча над ней подшутил. - Отхлестаю тебя рыбьим хвостом, чтоб ты знал!

- Ты меня ещё найди сначала. Думаешь, я в деревне останусь? Как бы не так. Рыбак - это про путешествия. Завтра

выварка, и - прощай, Агнесса Ульбрехт!

Раскрасневшись, девочка изобразила злое лицо и принялась хлестать Гучу по плечам хворостиной. Больно не было. Гуча пригибался, хохоча. Все смеялись.

Поднявшись на пригорок, компания, переводя дыхание, повалилась в сочную осоку и овсяницу. Куда-то полетела ветка, которой Агнесса нахлестывала Гучу. Вечерело. Повсюду росли сосны, дышалось легко и свободно терпким смоляным духом. Уже успокаиваясь, девушка проговорила мечтательно:

- Вчера я видела падающую звезду. Так красиво!

- Загадала желание? - спросил Гуча.

- А то. Я попросила Стоединого, чтобы завтра он дал мне какой-то редкий класс. Чтобы ты охнул. - Она тихо засмеялась.

- Дык, а зачем рассказала? Если желание рассказать, оно не исполнится, - сказал Гуча шутливо.

- Не каркай!

- Кар! Кар! Кар!

К карканью Гучи присоединились и другие участники компании. Всем было весело и слегка тревожно, как если бы ты подошел к обрыву, за спиной - крылья. Но понесут ли? Завтра - последний школьный день и последний экзамен - выварка. И никогда уже назад не вернуться.

Когда они подходили к деревне, Гуче пришлось оторваться от компании.

- Мне на речку, нужно рыбы наловить на ужин, - сказал юноша. - Дома жрать нечего. Отец, как всегда, пьяный валяется.

- Смотри, если какого гнома увидишь, - свисни, может, и мне рыбацкое мастерство передаст! - не то шутя, не то всерьез, сказал Питер.

Все в школе знали историю, приключившуюся с Гучей год назад, как он повстречал на своём рыбацком месте пришло-го рыболова, гнома, великого мастера в рыбалке. И гном, как тысячу раз рассказывал Гуча, передал ему своё мастерство, - разумеется, не самое совершенство, а только азы, заполнив единственный слот извилин юноши строкой **"Искусство рыболовства, уровень 5"**. Это был старт, первая ступенька лестницы, на которую мог указать только учитель или дорогостоящая книга - магический гримуар. Последний вариант был явно не про Гучу, такие книги стояли сотни и тысячи золотых. Передать дар рыболовства мог только опытный рыболов, - Гуче невероятно повезло, что такой повстречался и даже провёл обряд обучения. И в деревне Гучи, и в соседних деревнях многие ходили на речку с удочкой, но какие это были рыболовы, ловили только пескариков да бычков. Мастерство этих любителей не превышало пятый уровень, а ведь чтобы передавать дар, как Гуча прочитал в книжке, нужно было иметь минимально пятидесятый уровень. Пять и пятьдесят, - день и ночь, небо и земля...

Гуча обнаружил удочку в том месте, куда её закинул, спа-

сая он злости педеля. И то хорошо. Это место теперь знали многие. Год назад, получив дар, он рассказал об этом в деревне, - рассказал про учителя-гнома, не про место, но деревенские живо проследили, куда он ходил за рыбой. Почти что полгода сюда было настоящее паломничество, - многим хотелось повстречать мастера-рыболова и получить дар, тем более что у большинства деревенских до старости лет единственный слот в извилинах так и оставался не заполнен. И напрасно местный жрец, отец Ульрих, гремлиин образованный, терпеливо разъяснял, что даже если они и повстречают гнома, обучившего Гучу, проку от этого не будет ни на грош: мастер может выступать в роли учителя, передавая свой дар, не чаще, чем раз в год. Отца Ульриха шепотком обвиняли во вранье. В заповедном рыбацком месте Гучи целую поляну натоптали и кусты повыдирали, словно бизоны прошлись. А другие приходили сюда, чтобы полюбоваться, как рыбачит Гуча, - на пару недель он сделался окрестной знаменитостью. Поскольку тупо смотреть на чужой поплавок многим надоело, народ начинал шуметь, лугать семки, мусорить. Зеваки так и норовили распугать рыбу, так что Гуче пришлось втихаря взять урок ругачки у собственного папаши. К счастью, со временем шумиха стихла и любимое место юного гремлиина обрело прежнюю умиротворённость.

Гуча накопал палочкой червей в илистом грунте и раздвинул знакомый камышник.

Сколько раз он делал это за год? Сто? Двести? Он ходил

на рыбалку почти каждый день, и всякий раз, раздвигая в этом месте камыши, он обмирал сердцем, - а вдруг он увидит Учителя, как тогда.

Но нет. Как и вчера, как и месяц назад, Гучу встречал поваленный ствол дерева, под которым были навалены ветки, чтобы ноги не скользили, и трухлявый пенёк, и комель, - его рыбацкое место.

Речные воды потемнели, вечерело. Где-то далеко послышалось хлопанье крыльев, - стая уток вылетала из камышей.

У него есть полчаса, чтобы наловить на ущицу и жарёху.

Гуча достал удочку из глубин колючего кустарника, направился к комелю, - а у самого в душе захолонуло. Охапкой осенней листвы налетели воспоминания, как дальнее эхо того дня, когда он повстречал, на этом самом месте, мастера рыболова.

* * *

Это случилось в начале лета прошлого года. В тот день Гуча, как прилежный ученик, не стал сбегать с уроков, а отправился на рыбалку после школы. Его заповедное местечко было скрыто от посторонних глаз, - во-первых, нужно было пролезть сквозь заросли рогоза, затем шлепать по илистой низине, утопая по щиколотку в грязи, затем еще ветки ивняка, из которых получались хорошие розги, больно били по спине и плечам. Истрица то скрывалась в горе, то выскаки-

вала на поверхность, рассыпая тысячи брызг, - а в этом месте она, поворачивая, образовывала тихую заводь. Рыбачье место здесь было только одно, - Гуча сам соорудил его, притащив из ближайшего ельника старый гнилой пень. Справа и слева - ивняк выше его роста, удочку не закинуть. Гуча кидал крючок немного наискосок, направо, давал поплавку проплыть не более метра, после нужно было перезабрасывать, чтобы не наткнуться на зацеп.

На этом месте Гуча ловил бычков и пескарей, иногда попадалась уклейка не более его ладони. Это был предел его возможностей. Он взрослых Гуча знал, что многие умения можно постичь, даже не имея к этому таланта, но, в этом случае, мастерство будет небольшим, не больше пятого уровня. Эти начальные навыки записывались в профиль как вторичные умения. К мастерству в рыбалке можно было прибавить, используя дорогие, а лучше - волшебные снасти. Увы, - всё, что было волшебным, стоило дорого, и это был явно не путь Гучи Камнеглота.

У Гучи имелся собственный план, как стать мастером в рыбалке.

С рождения каждому гремлину-простолюдину давался один пустой слот в извилинах, который можно было заполнить любым мастерством. Отец вложил ему в руки удочку, когда ему было пять лет, - он уже тогда мог открывать свой профиль, видел пустой слот, и уже тогда он решил: пустоту в голове он заполнит только рыболовством. Чтобы купить гри-

муар, обучающий рыболовству, нечего было и думать. Гуча собирался после школы начать странствовать в поисках мастера-рыболова, который согласился бы его обучить, передать свой дар, заполнить пустой слот в его извилинах. Тот, кто получал дар рыболовства, мог развить это мастерство не до жалкого пятого, а до сотого уровня, постичь все тайны мастерства, выудить из воды вещи странные и удивительные.

У его отца была грибная ферма (лучше сказать, грибной огородик). Гуча был единственным ребёнком в семье. Когда с ними жила мать, отец меньше пил и доход от огородика позволял не только сводить концы с концами. В те времена в деревне они считались семейством зажиточным. Но Гуче не нужен был огородик и эта зажиточность. Он грезил рыбалкой. Отец Гучи, мистер Лукас Камнеглот, даже вслух пожалел однажды, что, в своё время, сам вложил в руки сына удилище.

Гуча клялся себе, - лишь бы повстречать мастера-рыболова, он будет колоть ему дрова, мыть полы как девчонка, копать больше и кидать дальше, - делать всё, что укажет мастер, лишь бы настал тот день и час, когда мастер передаст ему свой дар.

Направляясь к рыбацкому месту, Гуча увидел дорожку из сыроежек и улыбнулся. Он знал, что такое, иметь достаток с грибной фермы. Грибы нужно еще уметь возделывать, - следить за светляками, чтобы нужное освещение было всегда. Удобрять илом. Раскидывать толченую мраморную крошку

от пятнистых червей, больших любителей плодовых грибных тел. Торговаться и ругаться с торговцами, закупавшими грибы оптом. В последнее время отец Гучи, находясь постоянно в расслабленном состоянии, запустил их грибные огороды, а у Гучи совершенно не лежала душа к фермерству. Вот и вышло, что сегодня у них на ужин будет только то, что он принесёт с рыбалки.

"А ведь будь у меня хотя бы десятый уровень в рыбалке, я бы мог продавать рыбу, а не только ловить на еду", - думал Гуча. Его уклеики да пескари не были интересны ни трактирщику, ни местным лавочникам. А вот на десятом уровне уловы стали бы побогаче, рыбка ловилась бы покрупнее и повкуснее...

Гуча прятал удочку недалеко от своего рыбацкого места, в кусте можжевельника. Удилище из ивовой ветки, основная жилка - платяной шнурок, поводок - конский волос, крючок - согнутый гвоздик, неприметно подобранный Гучей в кузнице старого Акселя Мозгоплюя. (Гремлины не любили кузнечное дело и никогда не занимались им. Все кузнецы в их округе держали семейства гномов. Аксель Мозгоплюй, из лавовых гномов, прибыл в деревню полстолетия назад и неплохо обжился, в сельском хозяйстве без кузни не обойтись.)

Удочка оказалась в том месте, где Гуча её оставил. Мало кто навевывался сюда, не желая продираться сквозь стены ивняка. Ближе к деревне имелось несколько хороших подходов к реке, и рыбка там поклёвывала та же самая, что и

у Гучи. Правда, там всегда было шумновато, - и рыбацков всегда хватало, и деревенские гуси плескались, и пьянчужки частенько бузили, развлекая народ. Гуче было нужно не то.

Он наковырял палочкой червей в мшистых кочках. Полностью оснащённый, он прошел шагов двадцать по не приметной тропинке в камышах и раздвинул кусты.

Что это ещё?

Его место, которое он сам оборудовал, было занято. Этот комель он притащил сюда недавно, с делянки лесорубов, - удобное место для одного, чтобы сидеть. И на этой деревяшке сейчас сидел кряжистый, упитанный гном, ростом не выше двух локтей, обветренное скуластое лицо в рыжих бакенбардах. На гноме была коричневая рубаша с коротким рукавом из дорогого, но потёртого сукна, с бархатистым ворсом. Мускулистые волосатые руки, как сплетенные ветви деревьев, легко и уверенно держали удилище из странной коричнево-красной древесины. От вершинки удилища отходила леска, - нить была настолько тонкая, что Гуча, несмотря на зоркие глаза, едва разглядел.

Когда Гуча раздвинул ветви, гном как раз заканчивал вываживание. Удилищегнулось дугой, - гном подтаскивал себе под ноги какую-то увесистую рыбу, весом не менее как в десять фунтов. Через пару секунд он снял её с крючка. Гуча вспомнил картинку с этой рыбой в "Самоучителе рыболова", - это была белая нельма. Гуча видел эту рыбёху воочию всего пару раз, на кухне у трактирщика. Томас Гоффман иногда

нанимал Гучу за пару медяков, - помыть посуду, почистить картоху, потрошить и чистить рыбу. Но потрошить и чистить белую нельму, которую привозили во льду, трактирщик не доверял никому.

Да откуда же в Истрице белая нельма? Белая нельма ловилась на Кане, где знаменитые Равельские пороги, а туда было триста миль по прямой. Да и там она попадалась редко.

И ведь даже не это, не дорогой улов гнома, так озадачило Гучу.

И даже не то, что, поймав нельму, незнакомый рыбак выпустил её обратно в реку (деревенские пересчитали бы ему рёбра за такое издевательство).

Гучу изумило, и ввело в оторопь, и заставило замереть другое.

Река.

Река стала иной.

То место, куда гном закидывал поплавков, и на десяток футов ниже по течению, и на десяток футов выше, - словно радуга сошла в реку, отчего вода заиграла тысячами разноцветных бликов. Возможно, так могло отражаться в воде заходящее солнце, - но Гуча здесь рыбачил и утром, и вечером, и в обед, в любую погоду, и ничего похожего никогда не видел.

Да и солнца-то никакого не было. Вечерело. Солнце скрывалось в мареве облаков, застилавших горизонт.

Стал накрапывать мелкий дождичек.

От воды фиолетовые, красные, оранжевые отблески пада-

ли на береговую растительность, и Гуча вдруг перестал узнавать знакомые с детства деревья и травы. Да сам воздух, казалось, стал другим. Разве капли дождя бывают разноцветными?

Шагах в десяти от этого места начинался обычный лес и шёл самый обычный дождь. Но это место, центром которого был гном с удилищем из красного дерева, словно накрывало незримым куполом из волшебства и некой непостижимой тайны.

Гном, казалось, не замечал его, и Гуча во все глаза стал наблюдать.

Гном поймал еще две белые нельмы, затем последовали три рыбины, названия которых Гуча не знал. Позже он найдет их в "Справочнике рыболова для путешественников с поплавком". Одна рыба называлась "морской окунь", - но где здесь, спрашивается, море. Две других назывались "устричный король", - в брюхе у них вырастала особая жемчужина, цена которой на аукционах, если верить справочнику, доходила до тысячи золотых.

И эти три рыбины гном отпустил. После последовала ещё одна белая нельма, краснохвостый сомёнок, небольшой тунец. Следующая поклевка - непродолжительное вываживание - и гном бережно снял с крючка серебристую рыбку со змееобразным телом, похожую на угря. Рыбка топорщила красные плавники, высокий спинной плавник с мелкими шипиками отливал фиолетовым.

Да это же...

Эту рыбку часто помещали на обложки рыболовных справочников и календарей. Гуча вспомнил заковыристое название: синеватый метлахский выюн, из семейства золотых рыбок.

И, как все золотые рыбки, этот выюн, если верить рыбацким байкам, умел говорить.

Да только где Метлахия, за тысячи лиг отсюда. Не может эта рыба быть метлахским выюном!

Гуча был уверен, что никогда не сможет побывать в далекой Метлахии, так что увидеть метлахского выюна, хотя бы в чужом улове, для него - ноль шансов. Значит, это какая-то другая рыба, очень похожая на матлахского выюна, но не он. А что это?

Гном выпустил рыбу обратно в реку. Не кинул в воду, а сделал, как с остальными, - осторожно опустил в воду у берега и начал ждать, когда рыбка уплывёт. Однако, в отличие от нельм и морских обитателей, метлахский выюн (или как там он назывался) не поспешил уйти в глубину.

Отбрасывая плавниками потоки разноцветных бликов, рыбка отплыла от берега на 5-6 футов и развернулась.

Вода в реке вскипела. Волна приподняла рыбку высоко, почти на высоту роста Гучи. Вода клокотала и пенилась, при этом волна застыла, словно оцепенелая, держа рыбку на высоте, вопреки правилам поведения волн на реке.

Оторопевший, вконец растерявшийся, Гуча услышал мо-

лодой, звонкий голос. Несколько слов.

Говорил, несомненно, व्यюн.

Гном ответил.

Метлахский व्यюн произнес ещё несколько слов (Гуча не разобрал ни единого), - и ушел на глубину, шумно плеснувшись по поверхности воды хвостом.

Гном чему-то засмеялся.

И - оглянулся.

Некоторое время они смотрели друг на друга молча, юный гремлин и старик гном. Морщинистое лицо, рыжие бакенбарды тронула седина. Яркие, пронзительные глаза. Подбородок гнома был тщательно выбрит, на груди висел медальон - восьмиконечная звезда.

- А разве гномы не бородатые? - спросил Гуча. Язык едва повиновался ему.

- А ты много гномов видел?

Голос у гнома был громкий, звонкий, и вовсе не старческий.

Гуча не знал, что ответить. Вообще-то до сих пор он видел только гномов из семейства местных кузнецов, и все они были бородатые (кажется, гномихи включительно).

- Я - из нагорных гномов, - произнес старик. - Мы не носим бороды, чтобы там не застревала капуста, которую мы очень любим. Это я твое место занял, да?

- Угу, - буркнул Гуча, хотя злость на незнакомца давно прошла. - Можешь и дальше рыбалить.

- Я поймал, что хотел. Жадничать в рыбалке не следует. Мне пора уходить, а ты - становись.

Гном встал с бревна, освобождая место для Гучи. Сворачивая удочку, гном поинтересовался:

- Что, парень, нравится рыбачить?

- А то.

- Есть свободный слот в извилинах?

- Можешь сам посмотреть. У меня всего один слот в извилинах, и он пустой, - У Гучи от предчувствия заколотилось сердце.

- Не желаешь заполнить рыболовством?

- Желаю, - Насаживая червяка на крючок, Гуча вдруг сделался груб, - отвечал хмуро, угрюмо. Он испугался, а вдруг гном решил подшутить над ним. - Гримуар стоит не меньше пятисот золотых, - он закинул удочку. - А у моего старика и одной серебряной монетки не найдётся. А если и нашлась бы, он её сразу бы пропил. И мастеров-рыбаков у нас нету, некому дар передать.

- Я – мастер-рыбак, - молвил гном.

- Там нужен уровень. Кажется, только с 50го можно учить. (Гуча мог бы посмотреть профиль гнома, но это гном почувствовал бы, - считалось неприличным просматривать чужие профили без разрешения.)

- У меня 92-й. Можешь сам посмотреть мой профиль.

Гуча немедленно воспользовался предложением.

Имя: Биллибром, общий уровень 101.

Статус: Простолюдин.

Раса: Нагорный гном.

Расовый бонус: умелые руки.

Класс: Ремесленник.

Основные параметры:

Живучесть: 10.

Ловкость: 10.

Сила: 10.

Гимнастика ума: 10.

Основные способности:

Плотницкое дело: уровень 15.

Мастерство красильщика: уровень 55.

Извилины: всего 1 слот.

Слот 1: Искусство рыболовства, уровень 92.

- Господин Биллибром, - пробормотал Гуча взволнованно. - Если бы... если бы твоя милость снизошла... Всё, что угодно...

- Вытаскивай удочку, я сам должен насадить червя, - побудничному сказал гном.

Гуча вынул оснастку из воды и подождал, пока гном наденет червя.

- Закидывай потихоньку, - сказал гном. Забросил? Хорошо. Нет, вот так держи, - И гном немного поправил пальцы Гучи на удище. - Крепче держи! Да не сюда смотри, а на поплавок. Тяни!

Гуча, трепеща, вытащил на берег килограммовую нерку в

красивой ярко-красной чешуе.

Вот это улов!

Гуча крепко держал рыбу, вытаскивая крючок из пасти. Сильная рыба трепыхнулась. Пальцы юноши заскользили на рыбьей слизи, - он одной ногой шагнул в реку, в самую грязь, для устойчивости. Прижал нерку к себе. Испачкается рубашка? Вздор! Какой улов! Нет, не уйдёшь теперь!

Конечно, они с отцом не станут есть нерку. Им достаточно и бычков с пескариками. А эта прекрасная, жирная нерка отправится в трактир, и пузатый Гоффман даст за неё не меньше, чем пара мараведисов.

- Рыбу отпусти, - скомандовал гном. - Чего стоишь, как мешком ударили? Отпускай рыбу и опять закидывай удочку!

Юноше показалось, что он ослышался.

- Живо, малец! – гном Биллибром совершенно не был расположен к долгим уговорам.

Гуча с горящими щеками положил рыбу в воду. Пришлось приложить усилие, чтобы разжать пальцы. Он чувствовал, как нерка скользнула, уходя из рук и вымазывая его ладони слизью. Может, ещё не поздно ухватить её за хвост, а?

Рыбина ушла в глубину.

- Ополосни пальцы и берись за удище, - сказал гном. – Не, парень, с тобой что-то не так. Тебя в школе не называют тормозом? Закидывай. Следи за поплавком.

Так продолжалось ещё несколько забросов. Гном сам насаживал червяка на крючок Гучи, объяснял, как правильно

держат удилище, даже разок саданул по рукам. Терпеливостью, этим непременным качеством хорошего учителя, мастер Биллибром вовсе не отличался.

Назад в реку, друг за дружкой, были отпущены: два морских окуня, палтус, чавыча и огромная мальма (у Гучи при вываживании чуть удилище не треснуло.)

После мальмы юноша перестал сожалеть, что вся рыба отпускалась. Даже забавно было. От него, освобождённые им, отплывали огромные рыбины, - да кто в деревне такому поверит? Это не укладывалось в голове. Если и есть на свете чудеса, то вот одно.

- Чтобы совершить большое чудо, нужно сперва сделать маленькое, - сказал гном, будто прочитав его мысли. - Закидывай!

Вырезуб, опять мальма, палтус, небольшой тунец. Затем - пять поклёвок пустые. На шестой Гуча почувствовал, словно его со спины обдало теплом. Это было всё равно, что неожиданно поймать луч солнца в холодную, промозглую погоду.

Гуча поспешно открыл свой профиль.

Извилины: всего 1 слот.

Слот 1 : Искусство рыболовства, уровень 5.

Каким-то образом гном догадался, что цель достигнута. Гуча почувствовал, как его профиль открыли (ощущение было такое, как если бы внезапно хлопнули по плечу со спины).

- Сделано, - проговорил гном. Он быстро смотал свою

удочку, накинул на плечи рюкзак. Подпрыгнул пару раз, чтобы лямки устроились хорошо.

- Сегодня не рыбачь, довольно, - буркнул Биллибром, уходя. - И так, сколько рыбы наловил. Нарыбачишься ещё.

При иных обстоятельствах Гуча счел бы, что над ним смеются, ведь ни единого хвоста гном не позволил оставить. Но сейчас он даже толком не понял, что сказал гном.

Важно было то, что гном уходил, а ведь Гуча не спросил, а ведь обязательно нужно было спросить, кое-что важное.

- Мистер Биллибром, мастер... - Голос Гучи сорвался на сип. - Учитель!

- Ну, - буркнул гном на ходу, готовый вот-вот скрыться за кустами.

- Это был метлахский выюн?

- Угу.

- И что он сказал?

Гном остановился.

- Разумеется, спросил, каково моё желание. Разве ты не слышал, что золотые рыбки весьма щедро одаривают за своё освобождение. Метлахский выюн - как раз из этого семейства. Хотя, - гном усмехнулся, - иногда подарок бывает с подвохом.

- И что вы ответили? Что попросили у выюна?

- Я сказал, чтобы он дал мне то, что я хочу больше всего.

Правда, я тогда и сам не знал, чего хочу.

- И он?

- Он сказал: Оглянись.

Гном ушел.

Гуча просидел на комеле до самого вечера, так и не закинув удочку в реку. Глядел на воду, на разноцветные блики, на то, как краски медленно сходили с речной глади и речка превращалась в самую обычную, привычную, какой Гуча знал её с раннего детства. Почему он не расспросил великого мастера про рыболовство? Как качать уровни? Как преодолевать Грани? Один урок у старика Кристофора Гуча случайно не прогулял и оттуда вынес, что самое сложное в постижении мастерства - преодолевать Грани, препятствия, разграничивающие одно качество умения от другого. Первая Грань, и Гуча помнил это совершенно точно, была на 10м уровне, - что-то нужно было сделать такое, чтобы перейти на 11-й, до чего не каждый догадывался. Бывало, подмастерье всю жизнь искал разгадку и так и не находил, оставаясь до гробовой доски на 10-м уровне. Гном Биллибром мог бы подсказать ему хотя бы насчет первой Грани, ведь он-то её преодолел. И не только её... И насчёт рыбацкого снаряжения у Гучи была тысяча вопросов, но Учитель ушел так быстро...

* * *

Сейчас на его рыбацком месте никого не было.

После того, как педель отконвоировал его в школу, сюда, судя по всему, никто не заглядывал. Его котелок, опрокинутый педелем, так и валялся у кромки воды.

Прежде, чем начать рыбачить, Гуча решил по-быстрому разобрать хлам, выуженный из реки в обеденный перерыв. Этой грязной кучи педель не коснулся.

Среди дряни и сора, которые рыболовный крючок подхватывал со дна, иногда попадались полезные штуки. Так, однажды Гуче повезло, - на кусок грязной тряпки были пришиты три пуговицы, оказавшиеся посеребрёнными, - он их продал портнихе, и они с отцом на неделю были обеспечены обедом. В другой раз он выудил из реки складной ножичек, почти не ржавый, - видно, недавно утопили. Нередкой находкой были ржавые гайки, и некоторым Гуча находил применение в качестве грузила. Поговаривали, что пятьсот лет назад в местных холмах селились не гремлины, а гномы, - в те времена много чего попадало в реку из гномьих кузен и лежало на дне до сих пор. Главной находкой Гучи был кусок снасти с настоящим, заправским крючком. Этот крючок Гуча берёт как драгоценную реликвию, продолжая рыбачить на согнутый гвоздик.

Как раз перед тем, как его отыскал педель, Гуча выудил из реки матерчатый кошелёчек. Разумеется, он немедленно разорвал ржавую молнию, - никаких сокровищ там не оказалось, даже медной монетки не было. Тогда педель не дал ему разглядеть хорошенько, что было в кошельке. Сейчас Гуча еле разыскал его в грязи. И как только они с педелем не затоптали его, когда толкались.

Гуча был не брезглив, но и он поморщился, раздвигая

склизкие, грязные края кошелька.

Он вытряхнул содержимое на сухое место и стал разглядывать.

Какая-то тряпица, похожая на бывший носовой платок.

Гуча всмотрелся.

Имя: нет.

Статус: утиль.

Класс: Предмет.

Использование: Разное.

Нет уж, эту дрянь он домой не потащит. Что тут ещё?

Ржавая гайка. Оловянный солдатик без головы, вся краска облупилась. Три деревянные пуговицы, - дерево почернело и отяжелело в воде, портниха не даст за них ничего.

А это что такое?

Старый свисток. Судя по всему, выточенный из кости. Желтоватая кость в одном месте дала приметную трещину, и всё же свисток не развалился у Гучи в пальцах. Измазанный в синей донной грязи, липкий, скользкий. Из отверстия, куда дуть, пучок водорослей выглядывает. По краям присосались ракушки.

Первым желанием было швырнуть эту гадость обратно в реку. Намерению Гучи помешала прирождённая черта гремлинов, - страсть к накопительству. Среди рас и народов, населявших мир Эллион, эта черта не была редкостью, - этой же болезнью страдали гномы, она донимала драконов. Последние так вообще едва могли её обуздывать.

Гуча очистил свисток от ракушек, выкинул водоросли, по-
полоскал в реке.

Теперь свисток хотя бы не противно держать в руках.

Гуча прочитал описание:

Дунь в меня!

Что за дела такие? Описание могло не раскрыться, если не хватало его мальчишеских мозгов. Но если описание открывалось, там всегда был столбик характеристик. Имя, статус, класс... Здесь же, вот так просто:

Дунь в меня!

И это всё.

Неужели же это...

Юноше стало нехорошо. Неужели у него в руках - предмет с порчей Инакого?

Он вспомнил историю из Стоединой Истины, которую проходили ещё в младших классах (тогда Гуча меньше прогуливал.) Все в мире Эллион знали эту историю. Или притчу. Или легенду.

Это случилось пять тысячелетий назад. В мир, где всё повиновалось строгому божественному порядку, пришел новый бог - Инакий, чьё подлинное имя нельзя называть. Поскольку ничто в мире Эллион не могло происходить помимо воли Стоединого, поговаривали, что Инакий - сын Стоединого, которого Господь Стоединый дал миру на забаву, ведь вечный порядок - вещь довольно скучная. И Инакий начал творить. Поначалу он прикидывался добрым, - детишек не

ел и даже устраивал забавные карнавалы. Но то было затаившееся зло. Началось с того, что Инакий однажды злобно подшутил над Героями, - полубогами мира Эллион, поставленными самим Стоединым, чтобы приказывать и управлять (а заодно - ходить войнами друг на дружку, но всё в рамках правил, разумеется). Инакий нарушил эти правила, зло посмеявшись над Героями. Стоединый не потерпел самоуправства Инакого и приговорил убрать его из мира, да только Инакий не согласился. Три дня и три ночи сражались божественные отец и сын, - горело небо, реки текли в обратную сторону, горы падали в океан, а морские волны смывали целые континенты. На исходе трёх суток и трех часов, Стоединый сокрушил Инакого. Пришлый бог ушел навсегда, но в мире Эллион осталось его слово, и это слово было проклятием. С той поры во всех племенах стали рождаться дети, отмеченные его печатью, - внешне они, бывало, не отличались от обычных детей, но их профиль показывал страшную порчу: маги рождались с воинскими умениями вместо магических, характеристик было больше или меньше положенного, со слотами извилин вообще творилась полная чехарда. Порча Инакого коснулась и неодушевленных предметов (говорили, на них капнула его кровь). То кипящий чайник начинал, вместо свиста, сыпать глубокомысленными цитатами. То топор, взятый в руку, первым делом рубил другую руку плотника, а шейный платок сам собой завязывался на шее хозяина так крепко, что бедняга испускал дух.

Для очищения мира от порчи Инакого Героями был создан орден инквизиторов. Его девизом стало: "Жечь, чтобы жить". Все предметы со странными свойствами сжигались в храмах, причём сжигались даже те, чьи необычные свойства оказывались полезны. Домашние животные, заподозренные в порче Инакого, приносились в жертву Стоединому, их прах развеивался по ветру. Младенчики с необычными профилями... Инквизиторы вполне оправдывали свой девиз. Примерно через тысячу лет, когда мир немного очистился, было сделано единственное послабление: младенцев, помеченных печатью Инакого, перестали сжигать в храмах, - их скидывали со скалы. Со временем явлений порчи становилось всё меньше. Как Инакий не забрызгивал мир Эллион своей кровью, всё же и этому яду приходил конец. К моменту, когда родился Гуча, о сбрасывании младенцев со скалы помнили только старики. Что касается предметов, помеченных Инаким, - Гуча не слышал, чтобы в деревне хоть раз объявился такой предмет. Но даже самый проспиртованный пьяница знал и помнил закон: любой предмет, в котором подозревалась порча Инакого, должно было немедленно сдать святой инквизиции для последующего уничтожения. А если инквизитора не было поблизости, то полагалось сдавать местному жрецу, а тот уж передаст, куда надо.

С этими предметами, помеченными печатью Инакого, у Гучи произошел забавный казус. Это случилось в классе, на уроке мистера Кляйна. Кляйн как раз закончил нотацию о

предметах, помеченных Инаким. Он раз десять повторил, куда их надо сдавать. И тут встал Гуча:

- Мистер Кляйн, я не понял, где там искать порчу нужно. Она - как плесень или просто как грязное место? У вас же есть наглядный образец?

Весь класс хохотал, а Гучу выпороли.

Все знали, как распознать предмет, помеченный даром Инакого. И куда такие предметы полагается - немедленно! неукоснительно! прямо сейчас! - сдавать.

Дунь в меня!

Ну а почему бы не дунуть, подумал Гуча. Сегодня - день чудес. Он увидел великого Героя, он избежал порки, он прошелся зубами и кулаками по костлявой шкуре педеля Бенедикта, - и остался безнаказанным. Вдруг и вечер порадует его неожиданной удачей? Кто знает, а вдруг этот свисток действует как эбеновая табличка опыта, и у него появится свободный уровень, который он сможет добавить куда угодно, в любой показатель. Конечно, добавит в рыболовство. Но даже если ничего не случится, почему бы не проверить. Тем более, что в законе не говорилось, что он не может использовать предмет Инакого. Говорилось - он должен сдать его жрецу. Он и сдаст, не сомневайтесь, как только случай подвернётся.

Избавившись от сомнений, Гуча ещё раз промыл свисток в речной воде и - дунул в него.

Гуча проснулся рано утром, с первыми лучами солнца. Хотя, когда с ними жила мать, он был ещё тем засоней, - приходилось и шлепать по щекам, и щипать, ну и обливать водой периодически. Рядом на колченогой табуретке лежала одежда. Он-то был уверен, что и на выпускной придётся идти в чём обычно, то есть в широких шортах и рубаше-безрукавке. Но нет. Отец вытащил откуда-то тагарис - национальную одежду гремлинов, нечто среднее между плащом и кожаным халатом, с опушенным белой кроличьей шкуркой капюшоном. Старик даже постарался сложить тагарис красиво. Но откуда отец взял деньги на тагарис?

Гуча развернул плащ. Ах, вот что. Это был старый дедов тагарис, годами висевший у них в чулане и, кажется, ни разу отцом не одёванный. Да там же прореха на прорехе... Но здесь прорехи были аккуратно заштопаны, и даже кроличья опушка выглядела почти как новая. Видно, спорили с какого-то старого плаща, у дедова тагариса от всей опушки оставалось пять волосков, всё остальное было давно, еще при жизни деда, потрачено молью.

Тагарис было принято надевать на голое тело. Впрочем, у гремлинов оно было относительно голым. Грудь и спину Гучи, его большие уши, покрывал плотный чёрный ворс. На руках и ногах, как у всех гремлинов, росли редкие волосы. Зато на хребтине шерсть поднималась таким лесом, хоть косяцы заплетай, поэтому даже в зимние дни гремлины не ис-

пытавали нужды в сильном утеплении.

Гуча только успел накинуть плащ-халат, а тут и родной родитель пожаловал.

- Вот и наш выпускник!

Щеки у отца были отвисшие, шерсть на груди - поседевшая и свалявшаяся. Глаза старика, как всегда, были красные, с опухшими веками, - а откуда им взяться другим, если годами пить.

Тем не менее, по сравнению со средневзвешенной нормой, сейчас отец был как огурчик.

- Гуча... сынок... - Старик прослезился, и на молодого гремлина пахло перегаром. - Давай-ка помогу...

Отец стал поправлять на нём пояс. Отступив на шаг, умилился:

- Вот мой мальчик и совсем большой...

-Пожрать-то есть чего? - Гуча не купился на сопли пьяницы. - Сегодня подзадержусь в школе. Выпускной, всё-таки.

-Да знаю, знаю! Сморчки в этом году уродились как никогда, уже три кадушки засолил. Мигом смотаюсь в погреб. Садись за стол пока.

Столешница, как ни удивительно, была чистая, не считая старых винных пятен. Гуча сунулся к сковородке. Одни рыбы кости. А он-то надеялся на пару рыбёшек, остававшихся с позапрошлой рыбалки. Опять отец нажарил рыбы и слопал всю жарёху.

Подождав отца и не дождавшись, Гуча, бормоча под нос

ругательства, полез за отцом в погреб.

Так он и думал: родитель сидел на ворохе соломы с кружкой в руке и блаженствовал, похрапывая во сне. В нос ударил сивушный дух. Отец гнал на самогон лесной мёд и кое-какие интересные грибки с огорода.

В последнее время мистеру Лукасу Камнеглоту достаточно было нюхнуть своей бодяги, чтобы опьянеть, а отрубался он на третьем глотке.

Что ж, не привыкать. Гуча набрал из корзины тарелку дикого тёрна, соскреб с днища кадочки немного мёда, вот и завтрак. Кружка родниковой воды, - а тут и в школу бежать пора, на выпускной.

* * *

Когда он подходил к школьным воротам, то подумал, что отец, собственно, не такая уж и дрянь. Всё же вспомнил о сыне, дал соседке заштопать и обновить дедов тагарис. Вообще-то эта одежда считалась устаревшей и в обиходе её не носили, как бывало раньше, а одевали, как национальный костюм, только в торжественных случаях. Вот и сейчас, не будь на Гуче тагариса, он бы смотрелся белой вороной на общем фоне. Все ученики были в тагарисах, и учителя, и господин директор.

Одно отличие Гучи от других выпускников всё же было, не столь приметное. Все шли со своими родителями, а некоторые прихватили бабушек и тёток. Только Гуча дефилировал в гордом одиночестве, но это ему было привычно.

Он помахал близнецам Тимми и Димми Шефер, увидел Питера.

Питер, едва его завидев, оставил родителей и подбежал к нему.

- Что, волнуешься?

- А ты? - Гуча презрительно плюнул.

- Конечно. Говорят, на выварке может случиться всякая гадость. Статы не повысятся, а понизятся, как тебе такое?

- Да ты дурак, - отмёл Гуча предположение друга.

Болтая с Питером, он не переставал оглядываться. Где же Агнесса? Всё ж он немного приврал, утверждая, что сразу после выпускного отправится в путешествие, как это и полагается рыбаку про. На путешествие нужны были деньги, а у него не было ни гроша. А ведь у него был шанс озолотиться.

Гуча опять вспомнил ту удивительную рыбалку годичной давности. Гром Биллибром, мастер-рыболов, раз ему не нужна была рыба, мог бы отдать её Гуче, так нет. И рыбу, которую наловил Гуча, гном не позволил забрать с собой. Вообще-то рыба, пойманная на удочку Гучи, была не вполне его, он понимал это. Он не поймал бы ничего без гнома... И всё равно обидно. Так всегда бывает, - на рыбалке обязательно найдётся умник, который будет отпускать свой улов на глазах у всех, просто из вредности.

Ворочаясь ночью, Гуча не раз прикидывал, сколько мог выручить за ту царскую рыбу. Да там наличности на десяток путешествий хватило бы.

Теперь же, получается, Гуча сидел на мели. Ему придется вкалывать на родительском огороде не менее года, чтоб собрать на путешествие. Заработать, продавая рыбу с уловов, он не надеялся. Хотя, как дело пойдет. Пока что, имея 7 уровней в рыболовстве, он мог снабжать жарехой себя и пьяницу отца, не более того, но ведь не вечно у него будет 7й уровень в рыболовстве.

Как ни крути, по любому выходило, что сразу после выпуска он ни в какое путешествие не отправился. Останется в родной деревне, на какое-то время. А значит, сможет общаться с Агнессой.

И где же она?

Насчет Агнессы у Гучи были грандиозные планы. Нет, ничего наивного или глупого. Он подсчитал, что за пару недель он уболтает её, а после обрюхатит в какой-нибудь пещерке. Старики Ульбрехты ни за что не выдали бы единственную дочь за такого нищebroда, как он. Но если припереть их к стенке... А после свадьбы можно и в свадебное путешествие податься, которое удобно будет совместить с рыбалкой. Уж Ульбрехты отваяют ему приданного, и не придется горбатиться целый год у отца на ферме.

А вот и Агнесса.

Собственно, Гуча увидел не Агнессу, а карету, запряжённую не горными козлами, как практиковалось для крестьянских повозок, а четвериком вороных лошадей. Карета была украшена коваными вензелями Ульбрехтов. Только Агнес-

са и сын старосты прибыли на выпускной в каретах, блюдя престиж. Остальные, - как выпускники, так и их родители, - дотопали ножками. (В признанные деревенские богатеи входил также трактирщик, но этот никогда не показывал своей состоятельности.)

Первым из кареты вышел отец Агнессы, - Генрих Ульбрехт был худощав, спину держал всегда прямо, морщинистое лицо с тонким крючковатым носом обрамляли седые пушистые бакенбарды. Гуча, ранее часто бывавший в доме Ульбрехтов, при виде отца Агнессы всегда робел, хотя не слышал от него ни единого грубого слова, - Генрих Ульбрехт, этот аристократ из простолюдинов, со всеми держался вежливо и холодно.

Генрих Ульбрехт чопорно помог сойти на землю дочери. И он, и Агнесса были в тагарисах отличного покроя, а опушка их капюшенов блестела как иней на солнце, - наверняка использовался какой-то дорогой мех.

Агнесса сразу заметила его.

-Гуча!

Он не шелохнулся. Не будет он бегать за ней, как придурочный, а у самого заколотилось сердце.

- Гуча! - Она подбежала к нему. - Жрецы уже прибыли? Не видел? - Судя по всему, её тагарис был сшит специально для выпускного. На чёрной, блестящей коже, - ни пылинки, ни потёртости. - Ливандийский соболь, - сказала она кокетливо, заметив, что Гуча разглядывает её капюшон. - Так, где же

жрецы?

- Прибудут, никуда не денутся, - буркнул Гуча. - Пойдём?

Они взялись за руки (на глазах у всех, - недопустимая вольность, но Генрих Ульбрехт ничего не сказал, привыкший видеть Гучу с Агнессой с тех времён, когда они были маленькими детьми). Парень и девушка зашагали к входу в пещеру, где уже собирались выпускники, и где должно было состояться основное действо. Отец Агнессы направился в сторону родителей выпускников, - во время обряда родители и выпускники должны были держаться порознь. Раньше родственникам воспрещалось входить в пещеру. Двадцать лет назад порядок смягчили, и теперь родственники могли наблюдать весь обряд, стоя на отведенных для них местах у стен пещеры.

- Маме нездоровится, осталась дома, - тихо сказала Агнесса. - Волнуешься?

-Да просто с ума схожу, - усмехнулся Гуча. Конечно, он волновался, если не сказать что трусил, но не мог же он сдрейфить перед девчонкой.

Обрядовая пещера была огромная, - если поставить, друг на дружку, трех слонов, и то не дотянулись бы до потолка. В потолке зияла широкая зигзагообразная щель, сквозь которую проникал дневной свет. Тем не менее, у стен пещеры было бы сумрачно, если бы не десятки масляных светильников, расставленных по периметру. Конечно, сами гремлины не нуждались в дополнительном освещении благодаря расовой

особенности "сумеречное зрение", но в церемонии должны были принять участие и представители других рас, которым иначе пришлось бы приглядываться.

В центре пещеры поставили огромный котёл на столь же огромной чугунной треноге. Немного поодаль ждала своего часа деревянная платформа с лестницей, обшитая шкурами. Предварительно шкуры хорошенько увлажнили. Под костром горел огонь, треща и отбрасывая тени на каменные своды. Туда-сюда сновали истопники, поднося дрова. Словом, всё было так, как Гуча и ожидал увидеть, - до этого он ни разу не видел выварку воочию, зеваки на церемонию не допускались, но, конечно, слышал немало рассказов в подробностях.

Пробегая глазами лица одноклассников, Гуча заметил Эриха Вернера, сына одного из состоятельных фермеров (но уж Вернерам не тягаться богатством с Ульбрехтами). Эрих Вернер был на полголовы выше Гучи, плечистый (что у гремлинов было редкостью). На уроках физкультуры красовался недетскими мышцами, ходившими под блестящей шерстью. Давным-давно (во втором классе, что ли) он вздул Гучу на переменке, все смеялись... В четвертом классе была ещё одна потасовка, и тогда Гуча хорошо кусанул его за руку. Авторитета тем самым Гуча не приобрёл, укусы считались делом девчоночьим. Весь последний год Вернер подкатывал к Агнессе, но кто сейчас идёт с Агнессой, рука об руку?

Гуче не удалось долго кичиться победами на любовном

фронте: как только они с Агнессой были замечены учителями, их немедленно разделили. Гуча понятия не имел, как составлялись эти списки, но его отправили в конец очереди на выварку, а Агнессе дали место впереди. По уровням раскидывали, что ли.

Немного поработав локтями, Гуча занял место, откуда отлично обозревалась вся пещера. Учитель трёх свободных искусств, старик Кристофор, как всегда, поправился с утра, - с синеватым румянцем на щеках и мутной каплей на кончике носа, он в который раз пересчитывал свой десяток выпускников. Гуча попал в группу мистера Кляйна, - этот взял с собой розгу, но пока что ограничивался тычками. Подошел Питер, - его поместили в очередь сразу перед Гучей. Они молча пожали руки. Да и о чём говорить, ясно же, оба бешено волновались.

У входа в пещеру возникло движение: прибыл директор школы мистер Люренсдорф. Важный, торжественный, он встал на своё место впереди родителей, опираясь на резную трость.

Но не директор школы был главный распорядитель церемонии.

У Гучи волнение стало переходить в какое-то болезненное оцепенение, когда, наконец, в пещеру вошли жрецы. Первым шёл, опираясь на посох, прибывший из самого Тай-Аббалона инквизитор в красной рясе. Это был человек, бритонец с рыжей бородой, заплетённой в две косицы. Отец Роджерс

был стар, - когда-то его борода отливала медью, теперь же походила на два пучка старой сопревшей соломы. На груди инквизитора, на толстой цепи, висел железный ключ с двумя бородками (знак святой инквизиции). За ним шел желтокожий сеттянин с гладко выбритой головой (сеттяне были человеческим племенем, выходцами из пустыни Ясс-Оброн). Звали сеттянина отец Фаррух, жрец из храма Стоединого в Тай-Аббалоне. Рядом с ним шагал огр, отец Гримпаса, в жёлтой рясе ордена жрецов-воздаятелей. На плече у Гримпасы была дубина, один их отличительных знаков ордена. Закрыл шествие отец Ульрих, сельский жрец и, по совместительству, преподаватель Стоединой Истины в военной школе. Это он вчера, в преддверии порки, сказал слово на стороне Гучи (не столько ради Гучи, сколько из желания немного кусануть господина директора, но это детали).

Отец Ульрих и отец Фаррух носили синие мантии жрецов-исповедников, у них на груди висела раковина моллюска, имевшая множество завитков, - символ бесконечности познания. В предстоящем обряде отец Ульрих должен был выполнять роль свидетеля, а отец Фаррух - роль чтеца-призывателя. Отец Гримпаса должен был мягко сглаживать возможные шероховатости (это нельзя было поручить громиле со стороны, - вмешиваться в течение обряда мог только жрец). Инквизитору, отцу Роджерсу, отводилась роль завершателя обряда. Именно ему предстояло выявлять и изничтожать малейшие признаки порки Инакого, если таковые про-

явятся.

"Выварка", - слово грубое, просторечное, хотя и использовавшееся всеми. В "Стоединой Истине" обряд, который предстояло пройти Гуче и тридцати семи другим выпускникам, назывался "перевоспложение" или, в другом месте, "восхождение плоти". Этот обряд проводился только у простолудинов и только раз в жизни. В ходе обряда внешность и душа не претерпевали изменений, но менялась внутренняя телесная оболочка, - лица, прошедшие обряд, теряли прежние способности и приобретали новые, физические возможности тела усиливались. Но, случалось, изменения были столь разительны, что далеко выходили за рамки обычного и не могли быть признаны естественным следствием обряда. Проклятие Инакого пронеслось сквозь 5 тысячелетий и утратило былую силу, но окончательно не было изжито до сих пор. Вот как раз для таких случаев и были нужны отец инквизитор и отец воздаятель. Инквизитор - чтобы судить и приговаривать, воздаятель - чтобы искоренять скверну Инакого без задержки.

Огонь потрескивал, содержимое котла кипело, густой белый пар плотным потоком уходил в зияющее отверстие в потолке пещеры.

Жрецы встали рядом с котлом. Все, кроме инквизитора. Отец Роджерс сел на специально приготовленный для него камень неподалёку, на камень положили войлок, сложенный в несколько слоёв. Вообще это было упрощение, в ходе об-

рядом всем полагалось стоять, но кто призвёт к порядку инквизитора. Да и Стоединый, конечно, не спросит строго за такую мелочь.

Учителя размещали и всё никак не могли разместить учеников, - так суетливая торговка по десять раз переставляет свои товары на прилавке. У стен пещеры толпились и тихо переговаривались взрослые, - более сотни родителей и других родственников выпускников.

Отец Роджерс трижды стукнул посохом.

Шум начал затихать.

Высокий, худощавый жрец в синей мантии, отец Фаррух, подошел к котлу и запел:

- К тебе обращаемся, о великий, сто ипостасей в едином...
Воитель Бессмертный, Мудрый Советник, Кара В Ночи...

В руках у отца Фарруха был небольшой мешочек с алхимическим зельем, - толчёные корешки, лепестки потаённых цветов. С каждым возгласом отец Фаррух сыпал горстку содержимого мешочка в котёл. Когда зелье падало в воду, пар над котлом на доли секунды окрашивался всеми цветами радуги. Фиолетовые, красные, зеленые клубы смешивались, образуя сотни новых цветов и оттенков, и снова становились белыми. Несколько секунд, рука жреца с зельем, - и разноцветные клубы пара опять поднимались над котлом.

- Тридцать восемь зовут к тебе, сто ипостасей в едином... Мастер Чудес, Целитель Печалей, Пастырь Народов, Владыка Семи Стихий...

Жрец продолжал подсыпать алхимическое зелье в котёл. "А, вот оно, началось", - подумал Гуча.

Сначала подумал, - показалось, но нет, это не обман зрения, - уже не разноцветный пар, - облачка из пёстрых бабочек, закручиваясь, улетали в отверстие вверху. Их крылья отражали всполохи огня, - искрящиеся, сияющие потоки устремлялись к потолку пещеры, разноцветные блики мелькали на стенах и каменном потолке.

- Зерно к зерну, свет к свету, истина к истине. И да не коснётся сих вод проклятье и злоба Инакого, и да низойдет на них благословение твоё, сто ипостасей в едином... Гор и руд Сотворитель, Вод Очиститель, Открыватель Сердец...

Бабочки над котлом исчезли. Красивые белые птицы с длинными шеями, похожие на лебедей, стали подниматься над кипящим варевом. Увидев первую такую птицу, Гуча растопырил глаза, но быстро пообвык. Магические лебеди в первый миг были полупрозрачными, как призраки, но быстро приобретали телесность и кругами поднимались под котлом в клубах пара. Было видно, как они улетали в отверстие в потолке пещеры. Что дальше было с ними, - или они рассеивались, как мираж, или оставались лебедями и летели к какому-нибудь озерцу ловить лягушек, Гуча знать не мог.

- Пусть твоё слово станет плотью, сто ипостасей в едином... Великий Кузнец, Ткач Судеб Земных, Сотворитель Хлебов, - изгони страх из сердец тридцати восьми твоих, и да будут они крепче железа...

Жрец продолжал читать наизусть, - весьма чётко оглашал, с хорошей дикцией, но Гуча не слушал. Его занимали преобразования, происходившие у него на глазах над котлом. Белые лебеди стали меняться. Некоторые уже были не белыми, а красными, или синими, или цвета жаркой бронзы. Шеи вроде оставались такие же длинные. Крылья менялись, перья осыпались, открывая блестящие перепонки. На спинах лебедей вырастал гребень.

Да это же драконы.

Уже не лебеди, - красные, чёрные, зелёные, и синие с белым боком, и бронзовые с красным брюхом, - драконы всевозможных расцветок поднимались, кругами, над котлом и вместе с клубами пара улетали в потолочное отверстие пещеры. По правде говоря, это были не драконы, а дракончики, размером не больше гуся, но картинка, всё равно, смотрелась завораживающе.

Гуча слышал одну байку, - будто однажды проводили выварку, и один из дракончиков нарушил чинный порядок. Вместо того, чтобы величественно уплыть в потолочное отверстие, дракончик неожиданно вылетел из клубов пара и стал вглядываться в лица присутствовавших. Обряд был немедленно прекращён. Дракона сочли вестником Инакого. Чтеца, обращавшегося к Стоединому, отослали в дальний монастырь на вечное покаяние, а следующую выварку провели через три месяца. И все эти три месяца в обрядовой пещере приносили искупительные жертвы и читали молитвы.

Тогда обошлось, дракончик рухнул на землю и растёкся огненной лужей. А что было бы, если бы непонятный дракон вдруг начал расти, - округляли глаза рассказчики.

Была ли в этой истории хоть толика правды, Гуча не знал. Но, во всяком случае, у него на глазах ничего такого не наблюдалось, - порождённые магией драконы, медленно взмахивая крыльями, кругами уходили в небо.

Сеттянин замолчал.

Инквизитор, отец Роджерс, встал со своего места и произнес звонким старческим голосом:

- И да свершится воля твоя, о великий, сто ипостасей в едином, и да будет она милостью, а не судом. - Инквизитор повернулся к учителям: - Подводите детей.

К котлу подкатали платформу с лесенкой. Новые дрова уже не подкладывали, но костер под котлом и не думали загасить. Наоборот, чтоб жар под котлом поддерживался как можно дольше, отец Фаррух и отец Ульрих самолично вооружились кочерёжками и подгребли горящие головни и раскалённые уголья под котёл.

- Мистер Люренсдорф, подводите детей, - повторил инквизитор с едва заметным раздражением в голосе.

Всякие иллюзорные (или, если угодно, волшебные) эффекты, наблюдавшиеся над котлом, исчезли, - теперь над кипящим содержимым котла поднимался самый обычный белый пар. Как от рыбацкого котелка на рыбалке, подумал Гуча. Он стоял довольно далеко от котла, и вдруг почувство-

вал, как на него пахнуло жаром. А что удивительного? Над котлом вовсю парило, под ним весело плясали красные и белые язычки пламени, - сермяжная правда подсказывала Гуче, что там было самое место, чтобы свариться и пойти на суп.

Отец Фаррух, чтец-призыватель, сыпанул в котёл пригоршню алхимического зелья, - и опять в паре над котлом, на короткое время, появились разноцветные дракончики.

Директору подали список.

- Деннис Кривоклык! - голос директора был самый будничный, даже усталый, таким зовут на вручение банных полотенец.

Деннис Кривоклык был самый старший из выпускников, старше Гучи на 7 месяцев и 14 дней. Он жил через четыре дома от Гучи, на противоположной стороне улицы, - нескладный, длинный парень, его дразнили "каланчой". С Гучей он никогда не сорился и не дружил, был неприметен, имел твёрдую тройку в каждой четверти. Не чемпион.

- Деннис Кривоклык! - повторил директор с нескрываемым раздражением. Как всегда, задержка. И так из года в год, будто выпускники этого года не расспрашивали выпускников прошлых лет, стоит ли бояться кипящего варева.

Ещё не хватало тратить время на уговоры.

Педель Бенедикт с одной стороны, старик Кристофор с другой, подхватили испытуемого и потащили к котлу. Парень начал сопротивляться, что было весьма странно для та-

кого тихони.

- Не! Не хочу! Почему я первый! Пусть сперва кто-то другой! Не! А-а!

А силушка-то у парня, как оказалось, имелась, - старик Кристофор отлетел с расквашенным носом. Не поздоровилось бы и педелю, но тут на помощь пришел жрец воздаятель, отец Гримпаса.

Отец воздаятель аккуратно опустил свою палицу на пол пещеры (земляной пол для чистоты был посыпан опилками, замоченными в квасе для лёгкого духа). Одной лапищей огр сгрёб плечо юного Кривоклыка, другой легонько отстранил красного от натуги педеля Бенедикта. Затем последовал чисто силовой акробатический кульбит. Никакой платформы с лесенкой не понадобилось, - мосластый, голенастый Кривоклык пронесся в воздухе, перевернулся разок и плюхнулся в кипящий котёл.

Истошный вопль огласил огромную пещеру и принялся гулять эхом где-то вверху.

Гуча скосил глаза на Питера, стоявшего рядом. У приятеля на лбу поблескивали капли пота, глаза как у филина, рот приоткрылся от ужаса. Гуча хотел посмеяться, но шутки не шли на ум. Да ведь и остальные, и он сам, выглядели не лучше. Гуча вспомнил очередную байку, - болтали, будто однажды алхимики не доложили какую-то травинку в зелье, которым жрец приправлял варево в котле, в результате первый купальщик сварился, даже ложками суп похлебали.

Кривоклык продолжал кричать, вопли вгрызались в уши, - по инерции или потому что, действительно, угодил в кипяток?

Вдруг крики разом стихли.

Сварился?

Гуча не отрывал глаз от котла. Огонь горел, содержимое котла кипело, густой пар поднимался клубами.

Точняк. Сварился.

- Молодой человек, не задерживайте, у нас ещё тридцать семь таких же гавриков, - произнес чтец-призыватель лениво.

У котла стояла платформа, с одной стороны - лесенка, с другой, как теперь разглядел Гуча, были приделаны поручни, чтобы из котла выбираться, не наступая на угли.

Длинные тонкие пальцы ухватились за поручни, худая рука в редких бурых волосах...

Деннис Кривоклык медленно выбрался из котла. Шатаясь, сошел по лестнице на пол. На нём так и был одет национальный тагарис, теперь наскрозь вымокший. Плата за промедление, не успел снять.

- Если не хотите выглядеть как мокрая курица, не тупите, сперва снимаем одежду, после окунаемся, - трескуче проговорил инквизитор со своего места. - Пару раз окунулись - и ко мне, на проверку. Парень, ты совсем ошалел, что ли? (Деннис Кривоклык, судя по всему, хотел уже затеряться в толпе выпускников.) Сказано, ко мне подойди! Мистер Люренсдорф, пришлите сюда кого-нибудь с копией вашего

списка, я не собираюсь писать ещё один. Там и будем отмечать наши перевоплощения. Да не тяните, чего все рты поразевали? Следующего в котёл!

Учителя повели к лесенке второго по очереди выпускника, а тем временем отец инквизитор наскоро исследовал профиль Кривоклыка. Гуча услышал, как инквизитор буркнул мистеру Кляйну, подошедшему со списком:

- Разведчик-следопыт, пометь. Чист. Ты дурак? Не пиши "без порчи", пиши просто "чист". Иначе "без" затрётся, а "порча" останется, и такое у нас бывало. Всё. Теперь убирайся, парень, и да благословит тебя Соединённый.

Кривоклык, кутаясь в мокрый тагарис, прошёл рядом с Гучей, так что Гуча без труда просмотрел его профиль.

Имя: Деннис Кривоклык, общий уровень 17.

Статус: Простолюдин .

Раса: Гремлин горный.

Расовый бонус: сумеречное зрение.

Класс: Разведчик-следопыт...

Гуча мельком пробежал глазами по параметрам. Да, у парня всё получилось. Кривоклык родился разведчиком, как Гуча (самый распространенный у гремлинов класс при рождении), а после выварки стал разведчиком-следопытом. Вместо старой основной способности, **гримасничания**, появилось две новых: **маскировка** и **чутьё**. А вот слот в извилинах как был один, так один и остался.

Деннис Кривоклык ещё не скрылся в толпе, а к нему уже

потеряли интерес. Все во все глаза наблюдали за вторым испытуемым, Локом Снегодаром.

Этот маленький, пронырливый гремлин сиганул в котёл с разбегу, за что заслужил овацию публики. Вскоре над котлом поднялась мальчишеская рука, сжатая в кулак, - два пальца поднялись торчком, знак победы. Послышалось несколько хлопков.

Лок Снегодар взлетел на платформу, сбежал вниз и рысцой подбежал к инквизитору:

- Благословите, святой отец!

- Ловок, парень! - одобрил отец Роджерс. Что тут у нас? - Инквизитор бегло просмотрел профиль выпускника и ткнул пальцем в мистера Кляйна, - Пиши: разведчик-мародёр. Чист. И да благословит тебя Стоединый, сынок!..

Агнесса оказалась в списке пятой. Она всегда была отчаянной, - легко взбежала на платформу, скинула тагарис и прыгнула в котел, не раздумывая, будто в бассейн с тёплой водой. Так же легко она выбралась из котла, - с грацией, словно нагая богиня выходила из воды.

Уже стоя на земле, Агнесса не торопилась надевать тагарис, - она поворачивалась на разные стороны, и так и эдак, блистая улыбкой и сверкая глазами. Наверное, она бы ещё долго красовалась перед публикой, - смелая, гордая своим великолепным телом, - но подошла целлюлитная миссис Ламбах и, что-то тихо сказав, накинула на плечи девушки тагарис, а пуговицы стали застёгивать они обе.

К инквизитору Агнесса подошла в полной закупорке, но округлость форм отлично угадывалась сквозь кожу плаща.

- А вот у нас и первый ассасин, - сказал отец Роджерс чуть насмешливо.

Слух у гремлинов был острый. Гуче показалось, что ослышался, - но нет, он увидел, как некое движение возникло в зале, словно пробежала невидимая волна. Отдельные хлопki слились в овацию. Со всех сторон понеслось:

- Надо же, повезло девчонке!
- Ассасин!
- Мой прадедушка был ассасин!
- А у нас в деревне есть хоть один ассасин?
- Я тоже буду ассасином! - раздался писклявый голос. Какой-то малыш стоял в толпе родственников, - очевидно, брат или сват сегодняшнего выпускника.

Ассасин!

Агнесса - ассасин!

Гуча, конечно, обрадовался такому невероятному везению. Всё же Агнесса была его девушкой. Ассасин был премиум-классом, исключительно редко выпадавшим при выварке. Бывало, целые выпуски обходились без премиум-класса.

Он не помнил точно, в деталях, какие преимущества имели ассасины перед теми же разведчиками-следопытами или разведчиками мародёрами (самыми распространёнными у гремлинов классами по результатам выварки). Что ж, скоро он узнает это у Агнессы.

Но первым делом, конечно, поздравит её.

После выварки Агнесса к нему не подошла, - отправилась в тот угол пещеры, где её наиболее шумно поздравляли. Она светилась от счастья. И он, конечно, радовался вместе с ней, - думал Гуча, покусывая губы.

Пока наступила очередь Гучи, двадцать девять гремлинов успели пройти выварку. В том числе, все пять девчонок-выпускниц. Причём только двух девчонок пришлось подводить к котлу под руки, для чего и была нужна на церемонии алхимичка, миссис Ламбах. Близнецы Тимми и Димми стали разведчиками-диверсантами; Бен Гоффман и Питер Вульф - разведчиками-мародёрами. Уже не было сомнений, - жрецы не подгадили, варево получилось по всем правилам, в этом котле невозможно было свариться. Гуча был уверен, что неприятностей не будет, тем не менее, этот пар, и огонь под котлом...

Когда подошла его очередь, он, прежде чем опуститься в котёл, попробовал ногой пузырящуюся воду.

Тёплая. Сильно тёплая. Можно даже сказать, горячая, но - не кипяток.

Как скоро выяснилось, не было и этого, - погружаясь в зелёное, булькающее варево, Гуча вдруг выяснил, что вода была прохладная, почти холодная, даже не тёплая. Он окунулся три раза, - все говорили, что этого достаточно, чтобы преобразование состоялось. Он почувствовал озноб, сменившийся жаром, затем - необычайную легкость в теле и, на корот-

кое время, звон в ушах и почёсывание за правым ухом. И ещё нос вроде зачесался.

Так состоялось или нет?

Он не утерпел, - плескаясь в котле, быстро раскрыл свой профиль, пробежал глазами строчки.

Имя: Гуча Камнеглот, общий уровень 20.

Статус: Простолюдин.

Раса: Гремлин горный.

Расовый бонус: сумеречное зрение.

Класс: Разведчик-мародёр.

Основные параметры:

Живучесть: 6.

Ловкачество: 6 .

Сила: 5.

Хитроумие: 7.

Основные способности:

Маскировка: уровень 5.

Мародёрство: уровень 5.

Извилины: всего 1 слот.

Слот 1: Искусство рыболовства, уровень 7.

Итак, состоялось. Теперь он - разведчик-мародёр, а был просто разведчик. Как и любому выпускнику, выварка заметно прибавила ему уровни, вместо детской способности "гримасничание" дала две взрослых, - **маскировка** и **мародерство**. Слот в Извилинах как был один, так и остался один. Иного Гуча не ожидал. У него было опасение, а не за-

трётся ли рыбалка. Но нет, сварили его правильно: уровень в рыбалке остался прежний. И как это красиво называется, **искусство рыболовства !**

- Ты, парень, чего, купаться здесь собрался? - Отец Фарух донельзя был утомлён и раздражён затянувшейся церемонией и тупостью современной молодёжи. - Тут не бассейн и не баня. Окунулся пару раз - и на выход!

Гуча вылез из котла, подошел к отцу инквизитору. Старик устало оттопырил толстые губы: "Уфф!" и, едва взглянув на юного гремлина, забормотал:

- И да снизойдет на тебя благословение Стоединого...

Гуча только разобрал "благ" и "сто". Учитель Кляйн, без подсказки инквизитора, сам поставил рядом с фамилией Гучи нужную пометку и жестом показал убираться.

Вернувшись на место, Гуча попал в гомонящую толпу одноклассников.

- Ну что, мародеры, следопыты, теперь мы, значит, взрослые, теперь и к девчонкам можно? - зубоскалил Сэм Гниломёд, школьный остролов.

- Тебе можно, - буркнул Гуча. - Только сопли подотри.

Ребята принялись толкаться, поднося кулачки к скулам товарищей, как и водится среди школьных друзей. Попутно Гуча осматривал чужие профили. Сплошь мародёры да следопыты. Точно это же делали и другие выпускники, - толкались, пинались, щипались, и заодно просматривали профиль Гучи, - он чувствовал, словно открытые ладошки проноси-

лись перед его глазами. И чего там паялаться, на что? Всё как у всех.

- А бывают ещё какие-то классы после выварки? - спросил Димми. - Куда ни посмотрю, если не мародёр, то следопыт.

- Бывают! - быстро ответил кто-то. - Класс "Ассенизатор", зашибись!

- Класс "Дурелом"!

- Класс "Крысоед"!

- Класс "Обосранец"!

Пацаны изощрались, выдумывая классы один занятнее другого. Наконец кто-то крикнул:

- Нет, кроме шуток, братья! Агнесса стала ассасиншей, за-были?

- И не только она, - сказал парнишка в очках из параллельного класса. - Ещё Эрих Вернер, тоже ассасин.

Гучу как облили ледяной водой.

Эрих Вернер - ассасин?

Когда проходила выварка и, один раз другим, вызывались ребята перед Гучей, он внимательно следил далеко не за каждым. После десятого или пятнадцатого испытуемого его интерес к обряду уменьшился, хотя тревога, которую он старался запрятать подальше, осталась. Чтобы отвлечь мысли, они с Питером занимались тем, что вспоминали приключения из детства, - вроде дохлой крысы, подкинутой в ведро ругливой соседки, или кражи редиски с грядки старика Венариуса. Венариус гонялся за ними, а они стрелялись этой

самой редиской. Так и получилось, что Гуча пропустил варку Эриха Вернера (ненавистный, ненавистный!).

- Ассасины не каждый год бывают, - сказал лопухий паренёк, сын аптекаря. - Прошлый год не было.

- А правда, какие ещё классы бывают? Только не глумитесь, пацаны! - спросил кто-то.

Толстый Бен сказал:

- В соседнем селе, отец рассказывал, один грибодар живет. Представьте, класс так и называется "грибодар", а не "разведчик-грибодар". Отец говорит, у него такие грибочки на огороде вырастают, в мой рост. Повезло, на грибах состояние сделал.

- А на нашей улице живёт дед один, разведчик-воин, тоже редкий класс. Конечно, разведчик и воин сами по себе не редки, но редкая комбинация, - сказал Генри Баух, лопухий болтливый паренёк. - Моя бабушка рассказывала, что, когда он вылез из котла, его даже хотели сжечь в этом самом костре под котлом, чтоб далеко не ходить. Столичные жрецы и сам отец инквизитор были за сожжение, - потому что, как они посчитали, никогда не было такого сочетания классов. Выручил отец Адальстан, - тогда нашим деревенским жрецом был отец Адальстан, он умер десять лет назад. Или пятнадцать, не важно. Он и спас парня. То есть, теперь, деда. Попросил задержаться с зажаркой - его послушали, ведь Адальстана знали сами наши правители, Герои Вышней Тверди, он в молодости в армии служил, отличился. Отец Адальстан сбегал

в храм и принес оттуда какой-то том из Стоединой Истины, а там - перечисление разрешенных классов, и разведчик-воин там есть. Так и спасли пацана. Ой, деда-соседа, то есть.

- Это всё обычные классы, хоть грибодар, хоть разведчик-воин, - сказал одноклассник Гучи, круглый отличник Гехард Швице. На выварке умнику достался самый обычный разведчик-следопыт. - А вот ассасин - это премиум-класс. У ассасинов не просто другие способности - самих способностей больше, возможностей развития больше. Говорят, у ассасинов даже само тело меняется, - не такое, как у нас, представьте.

- И что там меняется? - угрюмо поинтересовался Гуча.

- Не знаю, - Гехард Швице пожал плечами. - Но могу поискать в книге.

- Я что, безграмотный, - буркнул Гуча. - Надо будет - сам поищу.

Тут он увидел Агнессу, - как раз от неё отходили две подружки-болтушки.

Гуча подошёл.

- Стала ассасинкой? Поздравляю тебя! - он попробовал вложить как можно больше тепла в голос, но получилось недостоверно. - Можно посмотреть твой профиль?

- Валяй.

Гуча пробежался глазами:

Имя: Агнесса Ульбрехт, общий уровень 30.

Статус: Простолюдин .

Раса: Гремлин горный.

Расовый бонус: сумеречное зрение.

Класс: Ассасин.

Основные параметры:

Живучесть: 11.

Ловкость: 11 .

Сила: 11.

Хитроумие: 12.

Основные способности:

Маскировка: уровень 5.

Мастерство лука: уровень 5.

Преодоление преград: уровень 5.

Извилины: всего 3 слота.

Слот 1: (пусто).

Слот 2: (пусто).

Слот 3: (пусто).

- Круть, - оценил Гуча. - А вот я - разведчик-мародёр, - последние слова он хотел произнести равнодушно, но не получилось, и Гуча разозлился на себя.

- И ещё ты - мой лучший друг, - Агнесса, почувствовав его состояние, провела рукой по его щеке.

Касание было необычным, - Агнесса старалась действовать нежно, но невольно царапнула Гучу разок.

- Э, что у тебя с пальцами? - поинтересовался Гуча.

- А что такое?

Они стали разглядывать пальцы Агнессы.

А с ними произошли кое-какие изменения. У гремлинов были не ногти, а скорее тупые коготки, как у собаки. Теперь же коготки Агнессы напоминали кошачьи, - очень острые, слегка изогнутые, и они научились прятаться в подушечки пальцев. Наверное, это было отражением её новой основной способности, появившейся в профиле, - **преодоление преград**.

- Извини, ещё не научилась ими пользоваться, - сказала Агнесса. Она немного потренировалась, пряча коготки в подушечки пальцев и высовывая обратно.

- Ты же не будешь теперь скакать по заборам, как кошка, - сказал Гуча. - Или будешь? Своруешь тогда пару яблок из сада старика Шнеля, а?

- Для тебя хоть луну сворую, а ты мне за это рыбки наложишь. Лады?

- Лады!

Они шутливо ударили по рукам, хотя на душе у Гучи особой радости не было.

А ведь Агнесса, кажется, после выварки даже выше ростом стала. Или она всегда была такая, выше его? Да нет, она была ниже его. И шерстка у неё на груди стала другая, насколько мог разглядеть Гуча в вырезе тагариса. Раньше она слегка поблескивала, а теперь сияла, пыша здоровьем.

- У меня три основные способности, а не две, ты заметил? - похвалилась Агнесса. - И теперь у меня три слота в извилинах, а не один. И основные параметры смогут расти до два-

дцатого уровня, а не до десятого, ты это знал?

- Откуда мне знать, да и зачем, я же не ассасин, - грубовато ответил Гуча. - И что значит двадцать уровней по сравнению с десятью, например, в живучести?

- Меньше будут приставать болячки и дольше проживу. И дольше останусь такой, как сейчас... не хочу превращаться в старуху. Ты рад?

- Конечно, - На этот раз Гуча был чистосердечен. - Хорошо иметь вечно молодую жену. А когда состарюсь, будет хорошая сиделка. Будешь меня купать и стирать подштанники.

- Оцарапаю! - Агнесса шутливо наставила на него коготки и тут заметила соперника Гучи. - Эрих Вернер тоже ассасин, ты знал? Извини, Гуча, мне нужно с ним обсудить, как лучше качать уровни. Приходи сегодня вечером ко мне домой, считаешь про своих рыбок, а то мама спрашивала, ты давно у нас не был. Давай, пока!

- Бывай.

Гуча, хмурясь, наблюдал, как Агнесса подкатила к Вернеру, как они начали осматривать друг дружку, стали трогать пальцы, свои и чужие, - проверяли, как работают коготки. Гуче сделалось тошно, и поэтому он попытался отвлечься, - влез в спор приятелей насчет преимуществ разных классов, хотя понимал, насколько его аргументы дурацкие.

Итак, они - ассасины.

Агнесса и наглый Вернер - ассасины.

А он? Разведчик-мародёр, убожество-то какое. И еще, по

совместительству, деревенский рыболов.

Со стороны могло показаться, что Гуча весело болтал с приятелями, и кроме как раскачка способностей его ничего не интересовало. Сам же он нет, да поглядывал в сторону Агнессы, растравляя рану. Что они там делают, рассматривают когти друг друга, наверняка грязные, или поглаживают друг дружку по рукам? Вот на Вернере распахнулся тагарис, который он чисто случайно забыл застегнуть. Какие плечи, какая блестящая шерсть! Вот бы подстеречь его да избить, и так, чтобы клочки шерсти полетели, ассасин он чёртов!

Гуча не мог со своего места увидеть профиль Эриха Вернера, для этого нужно было стоять рядом, но, по профилю Агнессы он мог судить, что значит быть ассасином. А это значит, у Эриха Вернера сейчас был общий уровень 30 против двадцатки, что у Гучи. Разница в 10 уровней!

Самооборону им преподавал старик Кристофор, когда-то, тысячу лет назад, служивший в армии Замка. Гуча немного вынес из обширного курса, но одно запомнил: разница в 10 уровней с преимуществом противника - надо делать ноги.

Да плевать на уровни. Он бы умыл Эриха Вернера прямо сейчас, но что подумают, что скажут? Вряд ли скажут, подрались из-за девчонки. Скажут: из зависти один юнец полез драться с другим, оказавшимся более успешным на выварке. Дескать, Гуча позавидовал удаче Вернера.

Противно и позорно.

Эй, что там они делают? Кажется, Агнесса трогает Верне-

ра за грудь? Вернер дал пощупать мышцы, что ли, которых у Гучи сроду не было.

Гуча задыхался от злости. Все разумные рассуждения были позабыты. Юноша рванул к сопернику, - и врезался в педеля Бенедикта, куда-то направлявшегося со стопкой бумажек.

Ни слова не говоря, педель попытался вцепиться ему в ухо привычным движением. Гуча увернулся. Педель схватил его за тагарис, затрещала кроличья опушка. Гуча попытался воевать, но на помощь педелю пришли и старик Кристофор, и мистер Кляйн. Шансов у юноши не было. Тем не менее, потасовка грозила затянуться, потому как Гуча впал в исступление. Локти, колени, зубы молодого гремлины, - всё было в лихорадочном движении, всё било, рвало, терзало одежды и, если удавалось, старые шкуры гремлинов-воспитателей. Трещали и рвались тагарисы. Взыл мистер Кляйн, которому Гуча угодил коленкой в причинное место.

Порядок был восстановлен так же быстро, как быстро он был нарушен.

Жрецы, проводившие обряд, немного задержались на выходе из пещеры, прощаясь с директором школы. Жрец-воздаятель, отец Гримпаса, натренированным зрением быстро заметил безобразие, и, хотя его роль в сегодняшней церемонии уже была сыграна, вмешался.

Гуча почувствовал, как вознёсся вверх. И это была не левитация.

- Какой плохой мальчик.

Гуча увидел прямо перед собою огромное лицо огра с массивной нижней челюстью и маленькими глазками. Было больно, было трудно дышать. Жреческая дубина не понадобилась. Жрец держал его одной рукой за шею, как нашкодившего котёнка.

Надо отдать должное, отец Гримпаса не был садистом. Увидев, что возмутитель спокойствия стал потише (а как не стать, если шею передавили), он не швырнул Гучу на пол, а опустил, поставил на ноги и даже немного поддержал, пока юноша приходил в себя.

Погрозив пальцем напоследок, жрец-воздаятель удалился.

В иное время Гуча, после такой заварушки, стал бы героем дня, но сейчас происходило столько интересного, что о происшествии с ним быстро позабыли. Он поискал глазами Агнессу, - и не нашёл ни её, ни Эриха Вернера. К их счастью, да и к его тоже.

Выварка была окончена. Оказывается, последний испытываемый давно выбрался из котла новоиспечённым (или, лучше сказать, новосваренным) разведчиком-мародёром. Угольями и золой костра нагружали железные тележки и вывозили, остатки варева черпали в вёдра и выносили. Кто-то предложил просто опрокинуть котёл, но директор воспротивился, - нечего разводить грязь в столь священном месте.

Пошептавшись с директором, жрецы ушли.

Мистер Люренсдорф захлопал в ладоши, призывая к тишине. Когда все более-менее уgomонились, директор заговорил:

- А вот теперь, деточки, вы совсем взрослые, - Люренсдорф подпустил патоки в голос. - И значит, завтра вам понадобятся деньги. Много денег! А много ли их в родительских кошельках? К нам приехал мистер Лефевр, вербовщик из Замка. Советую подписать контракт. 100 золотых за каждый год службы. 50 золотых получите сразу после того, как пройдёте обучение в тренировочном лагере, причём эта сумма не входит в общую годовичную выплату. Скажу сразу, чтобы не болтали, будто вас кто-то обманул: из жалования будут вычитать за провиант, но это сущие пустяки. А ведь сотня золотых в год - это только верхушка айсберга. Будут ещё премии за участие в бою, за взятие "языка", за спасение командира... А может, и сами продвинетесь по службе и начнёте командовать. Приедете однажды в школу, и - Люренсдорф, смирно! - Директор вытянулся в струнку и сам первый засмеялся, чтобы не приняли всерьёз. - Небольшая ферма в Старых Гусях стоит 75 золотых, в Сивко-Горках - 60, вот и считайте. Или купите дом в столице и заживёте, припеваючи, свои солдатские денежки. Пять лет пролетят незаметно. Я сам дважды подписывал контракт с Замком, когда был молод и амбициозен, как вы сейчас. Я знаю, деточки, о чём говорю!

Пока директор разглагольствовал, используя всевозмож-

ные ораторские приёмы, котёл вынесли из пещеры, уголья и головешки убрали, а на место кострища поставили длинный деревянный стол наподобие канцелярского. За столом стал хозяйствовать упомянутый директором вербовщик, мистер Лефевр, немолодой лисовин с солдатской выправкой.

Лисовины не имели своих поселений, но семьи лисовинов можно было встретить в любом крупном поселении мира Эллион, - они были торговцами, реже - мастерами золотых дел, часто - ростовщиками. Иногда служили правительству, - обычно их нанимали для исполнения всяких каверзных заданий, по части которых лисовины считались мастаками. Но, как видим, бывали и исключения в виде того же мистера Лефевра, служившего заурядным вербовщиком.

Два мальчишки-гремлина, данные вербовщику в услужение, наводили чистоту, размещали письменные принадлежности. На край стола двумя стопками положили гримуары, - одни обучали мастерству кинжала, другие - стрельбе из арбалета. Маленький мешочек с золотыми мистер Лефевр положил в ящик стола, - новобранцу полагался один золотой сразу по факту вербовки.

Гуча наблюдал за всеми этими приготовлениями почти равнодушно, поджидая момента, когда можно будет незаметно улизнуть домой. Большинство выпускников сегодня подпишет контракт, и что с того? Не то чтобы блеск золота не смущал его, - ещё как смущал, но рыбалка привлекала гораздо сильнее. Замок требовал, чтобы мальчишки-гремли-

ны проходили обучение в военной школе, он и обучился, а дальше - его воля, и лучше он сбегает на рыбалку, чем отправится в какой-то военный лагерь.

Он поискал глазами Агнессу. На этот раз нашёл.

Девушка почти подпрыгивала от нетерпения, внимая директору как оракулу. Видимо, сама хотела поскорее сбежать до дома. Эриха Вернера рядом с ней не было. И чего он разволновался так? Вернер отправится в армейку, вот и нет его, а Агнесса останется в деревне. С ним, с Гучей останется.

Директор что-то чирикал, а Гуча тем временем призадумался над своим ближайшим житьём-бытьём посерьёзнее. У него был седьмой уровень в рыбалке - на еду рыбы хватало, но продавать рыбу нечего и думать, бычки-пескарики, вся его рыба была низкосортная. С повышением уровней ему, конечно, станет попадаться рыбка получше, но это в теории, а ты ещё попробуй повысь уровень. У Гучи ушло шесть месяцев, чтобы с шестого уровня в рыбалке перейти на седьмой. Заняться отцовым огородом? Но даже в лучшие времена, когда мать жила с ними, весь доход с огорода не превышал и пары золотых в год.

Ладно, он придумает что-нибудь завтра. Рыбалка на вечерней зорьке не отменяется. Агнесса, кажется, пригласила его в гости? Порыбачит и пойдет к ней. А сейчас проводит её домой, - как только директор заткнётся, они сбегут, а там пусть Эрих Вернер подписывает хоть десять контрактов.

План у Гучи вызрел отличный, кто бы сомневался, и он

стал протискиваться к Агнессе, стараясь не отдавить чужие ноги.

Ему удалось добраться до неё в тот момент, когда директор заканчивал речь, славя, на все лады, Стоединого и мудрых правителей - Героев Замка. Когда директор замолчал, все зашумели, засопели, старики начали прокашливаться.

Агнесса, увидев его, схватила за плечи:

- Гуча! Мы - взрослые!

- Да. Здорово!

У Гучи потеплело на душе. И чего ему померещилось, будто Эрих Вернер стал что-то значить для Агнессы?

- Домой? - он взял её за руку.

- А как же вербовка? Разве ты не собираешься завербоваться в армию нашего Замка?

- Я? - Гуча опешил. Рука Агнессы, которую он держал в своей ладони, вдруг показалась холодной. - Я же говорил вам всегда, сто раз говорил, - после школы я хочу заняться рыбалкой. Не собираюсь становиться солдафоном.

- Рыбалка, это так глупо, - прелестное личико Агнессы скривилось, и она вынула свою руку из хватки Гучи. - Эрих запишется в армию, и я тоже. Чего надулся? Или ты думаешь, что я родилась с пятью уровнями в ловкости для того, чтобы мыть тарелки на кухне?

- А твой отец?

- Что - мой отец? Мой отец знает, чего я хочу, и поддерживает меня. Моя прабабушка была великой воительницей,

командовала целой когортой. Он говорит, что я - в неё. Да и зачем мне эта деревня, эти грядки, эта вечная чистка грибов...

- А ты чистила грибы хоть раз? У вас готовит кухарка, забыла?

- Ты не понимаешь, - Агнесса часто дышала, волосы растрепались, она никогда не говорила так с Гучей. Он видел - она злилась, но при этом её лицо не казалось ему менее привлекательным, - такая в нём была живость, такое озорство. - Жить в деревне, даже в доме отца, а не то, что в твоей... - Она осеклась. - Ой, извини.

Она торопливым движением погладила Гучу по плечу.

Он едва удержался, чтобы не выругаться, - он всё ещё был дорог ей.

- Извини, - повторила Агнесса. - Я хочу жить, - ты понимаешь, жить! Хочу карабкаться на стены неприступных замков. Хочу ставить на место бандитов. Не хочу поливать из лейки грибы!! Хочу водить когорту... Что смеёшься, моя же прабабка водила! Ой, вербовщик уже раздаёт гримуары. А вдруг мне не достанется "**кинжал**"?

К этому времени вербовщик, действительно, уже принялся за работу. Сейчас в пещере было шумно, - ученики смешались с родственниками, кто-то гоготал, а кто-то хлопал в ладоши. Директора нигде не было видно. Учителя уже не следили за порядком, - они стояли на выходе и о чём-то сплетничали, изредка поглядывая в сторону вербовщика.

Посмотрел в сторону вербовщика и Гуча.

Мистер Лефевр показывал, где подписывать, после чего отправлял к маленьким помощникам, они выдавали один гримуар на выбор. Новобранец должен был разучить умение, и только после этого он получал золотой из мешочка. Надо сказать, очередь двигалась не быстро. Поставить подпись, конечно, дело мгновенное, но вот разучить гримуар...

Новобранцы, получившие гримуар, отходили в сторону и начинали священнодействовать (некоторые для удобства опускались на корточки, другие открывали гримуар стоя). Гуча никогда не видел гримуара, не то чтобы его раскрыть, но ещё с младших классов он знал, что требовалось делать. Гримуар с самым простым, не редким умением представлял собой книжку-раскладушку в две страницы. Через обе страницы проходила извитая линия, созданная магией художника, каллиграфа, алхимика, переплётчика и мастера изучаемого умения. По этой линии ученик должен был провести указательным пальцем, от её начала и до конца, через все извивы, не возвращаясь назад и не проходя пальцем по одному и тому же месту. Оплошности карались, - гримуар сыпал искры, колелся электричеством, а иногда доходило и до обожженных пальцев. И до обугленных. Если же оторвать палец от пергамента, не дойдя до конца страницы, гримуар вспыхивал и сгорал, пушинками пепла оседая на пол. Умение, соответственно, не изучалось. В случае успеха, гримуар вспыхивал в последней точке магической линии (линии

силы, как её ещё называли). Этот огонь не жёг того, кто постиг способность, заключавшуюся в гримуаре, но сам гримуар разрывало на мелкие обгорелые кусочки. Таким образом, как ни крути, любой гримуар был вещью одноразовой.

Школьная байка рассказывала, что один неловкий ученик не просто обжёг пальцы - сам сгорел в магическом пламени, только нижняя челюсть осталась. Другая байка, и того хлеще, утверждала, будто выпускники на каждом выпуске горят, вопя и носясь по ритуальному месту подобно огненным метеорам.

Сейчас Гуча видел, как новобранцы, поставившие свою подпись под контрактом, водили указательным пальцем в гримуарах. Потрескивали разряды, из книг вылетали синие и белые искры. В конце постижения способности, как и полагается даже при лучшем исходе, волшебная книга рассыпалась в пыль. Но никаких воплей и горящих заживо не было, - школьные байки явно приукрашивали. Да ведь и то сказать, умения изучались простые, самые рядовые, гримуар насчитывал всего две страницы, а вот если бы страниц было под два десятка, вышел бы другой коленкор.

Гуча видел, как Агнесса подбежала к столу вербовщика. Хвост очереди терялся в полутени пещеры. Она огляделась, - как же дурочке не терпелось подписать контракт... Очередь оживилась, молодые гремлины заулыбались, что-то стали говорить ей. Судя по жестам, каждый предлагал встать перед собой. Гуча постарался разобрать... "Намылилась в повари-

хи?" "Нет, она жрицей милосердия будет" "Не хочешь поварихой? А зачем в армию идёшь?"... Агнесса отшучивалась, блистая улыбкой направо и налево: "Как зачем? Чтобы дёргать вас за причиндалы!"

Эриха Вернера они заметили одновременно. Молодой ассасин стоял через четыре гремлина от вербовщика. Агнесса подскочила к нему, - и он, конечно, великодушно пропустил девушку впереди себя, как бы невзначай проведя лапищей по её плечу.

Гуча смотрел, как Агнесса подписывала контракт. Как отходила от стола с гримуаром. Как из её гримуара сыпали искры, когда она водила пальцем. Гримуар рассыпался в прах, - она отряхнула пепел с ладоней. А после она что--то показывала туповатому Вернеру в его гримуаре, - наверное, как лучше пальцем проводить, по каким завиткам. К столу за своим первым жалованием военного они подошли вместе. Поскольку ни Агнесса, ни Вернер не выглядели расстроенными или обгоревшими, можно было заключить, что их магическое обучение прошло успешно.

Гуча наблюдал, как Агнесса подбежала к отцу. Как из пещеры они выходили втроём, - Агнесса, Эрих Вернер и мистер Генрих Ульбрехт, отец Агнессы.

Опечаленный и злой, Гуча опять посмотрел в сторону вербовки.

Один за другим, от стола вербовщика отходят сегодняшние выпускники, они же сегодняшние новобранцы. А он был

обычным рыбаком, что в глазах Агнессы было меньше чем ничего.

Ладно же. Он заставит уважать его. Он покажет ей, он докажет, что иной рыбак может быть сильнее духом и твёрже сердцем, чем любой вояка.

Когда от длинной очереди осталось два гремлины, Гуча подошел к столу вербовщика.

Мистер Лефевр мельком взглянул на Гучу. Зевая, сунул бумажку:

- Вот здесь распишись, парень. Как постигнешь гримуар, подойди за своим золотым.

- Я не могу постигнуть гримуар, - сказал Гуча, поставив подпись. - Готов служить в армии замка и без этого дела. Пожалуйста, мой золотой.

- Да ты сдурел, парень, - с вербовщика слетела сонливость, и он словно бы только что заметил Гучу. - В армии разведчиков будет до чёрта, а нужно, чтоб до черта было арбалетчиков или, на худой конец, умельцев кинжала. Что там у тебя в основных способностях? - Тут мистер Лефевр догадался взглянуть на профиль Гучи. - Вот-вот, маскировка и мародёрство. Ты этим, что ли, будешь сражаться? Нужно боевое умение, чтобы кровь лить нашим вражинам. Э, постой-ка... (Гуча почувствовал, будто у него перед глазами какой-то наглец провел ладонью, - это вербовщик, в первый раз не дочитав до конца, опять открыл его профиль.) Слот занят, вот в чём дело. Рыбалка, что за гадость. Рыба хороша жареная или

варёная, в ухе, а не сырая. Давай, сынок, поскорее сотри эту дичь, и бери свой гримуар!

Гуча не мог изменить свои основные способности, такие как маскировка и мародёрство, но мог отказаться от любой способности, занесенной в слот извилин, для этого достаточно было нажать на красный крестик рядом со слотом.

Вот только не будет он этого делать.

Гуча был предпоследним в очереди. За ним стоял полный паренёк из параллельного класса, - единственный, кто раздумывал насчет вербовки дольше Гучи.

Вербовщик обратился к очередному, - и почувствовал, как его профиль просматривают.

- Мистер Лефевр, - проговорил Гуча спокойно, - я не стану затирать свою рыбалку. В армии я постараюсь стать заправским разведчиком-мародёром, а от арбалета с кинжалом увольте. Я поставил свою подпись, - где мой золотой?

Лисовин побагровел.

- Нарываешься, пацан. Говорю же: армии нужны арбалетчики, а не разведчики. Или ты сейчас возьмешь гримуар и выучишь арбалетную стрельбу, или проваливай домой, к мамочке!

- Я поставил подпись...

- Да вот она, твоя подпись! - Вербовщик схватил со стола контракт, подписанный Гучей, и разорвал его на мелкие клочки, которые швырнул Гуче в лицо. - Пошел отсюда, идиот! - Лисовин подбавил несколько крепких армейских сло-

вечек, от чего у Гучи на щеках загорелся злой румянец.

Юноша схватил со стола бланк с текстом контракта. В этих бланках уже всё было готово, - и печать Замка, и подпись какого-то армейского чина. Оставалось только свободное место для подписи новобранца.

- Я распишусь здесь и сам отправлюсь в тренировочный лагерь! Подавись моим золотым!

- Да ты чего, щегол? - лисовин выскочил из-за стола, и хотя он был почти на полголовы ниже Гучи, его 88й уровень не оставлял юноше шансов.

Видно, в этот день Гуча уже получил всю причитающуюся порцию тычков и затрещин. Не успел лисовин ухватить его за волосы, чтобы сподручнее было колотить другой рукой, как к ним подбежал на рысцах мистер Люренсдорф.

- Господа, господа!

Гуча не ожидал такого: мистер Люренсдорф, казавшийся ему надменным подлецом, встал между ним и рассвирепевшим вербовщиком.

- Мистер Лефевр, я хорошо знаю этого юношу, - начал Люренсдорф уверенно. - Он с первого класса только и говорил, что о службе в армии нашего великого Замка. Не скажу, что он был круглым отличником, - но посмотрите только, общий уровень двадцать! Побьюсь об заклад, - сегодня вы приняли в армию без проблем ребят и с девятнадцатым, и даже с восемнадцатым уровнем!

- Армии нужны арбалетки, а как он разучит арбалет,

если у него слот рыбалкой занят, - проговорил вербовщик, успокаиваясь.

Вообще-то мистеру Лефевру было не выгодно отправлять желающих служить к мамочке: за каждую подпись под контрактом ему выдавали маленькую премию.

- Затрёт рыбалку, и вся недолга, - сказал мистер Люренсдорф.

- Это вы ему скажите, господин директор.

Люренсдорф обернулся к Гуче:

- Так что же ты, сынок? Там есть такой красный крестик, нужно нажать на него, и...

- Я не откажусь от **искусства рыболовства**, - сказал Гуча, с вызовом взглянув в глаза директору. - Пусть так принимают. У меня же есть **маскировка** и **мародёрка**. Пригожусь в армии.

Люренсдорф повернулся к вербовщику:

- Мистер Лефевр, в тренировочном лагере будут занятия по арбалетной стрельбе, так?

- Так, господин директор. На то он и тренировочный лагерь.

- Вот пусть там и вразумляют этого юношу. И обучают, как хотят, с талантом к арбалетной стрельбе или без. Ведь арбалетной стрельбе можно выучиться, и не имея таланта, разве нет?

- Да, но без таланта много уровней не поднимешь. Только до пяти можно.

- А нам какая забота, будет у этого юноши пять уровней в арбалетной стрельбе или двадцать пять? Наше дело - вербовка.

«Немножко до плана не догоняем», - произнес директор шепотом, наклонившись к уху низкорослого вербовщика, но Гуча услышал.

Вербовщик какое-то время раздумывал. Что бы ни говорил Люренсдорф, он получит нагоняй за то, что в лагерь прибудет новобранец без боевого умения. Но за невыполнение плана по вербовке тоже полагался нагоняй, причём наказывали серьёзно.

Лисовин молча протянул Гуче открытую ладонь. Намёк был понятен. Гуча быстро подписал контракт и вложил бумагу в ладонь вербовщика.

Лисовин, не глядя на него, достал из мешочка золотой и положил на край стола.

Отправление в тренировочный лагерь было намечено на завтрашнее утро.

* * *

В деревню Гуча возвращался вместе с Питером Вольфом и близнецами Тимми и Димми Шефер. Все они подписали контракт.

Приятели находились под впечатлением от выварки и последующей вербовки. Тимми и Димми болтали без умолку, так что Гуча перестал страдать об Агнесе, увлёкшись об-

щим настроением. Ребята рисовали радужные перспективы. Во-первых, в лагере подкачают мышцы, а без этого не каждая девчонка взглянет. Во-вторых, выучатся на вояку и будут сами нагибать, тогда как всю жизнь нагибали только их. И, конечно, деньги. Даже тот золотой, который выдал вербовщик, - на него же можно целый месяц жить, пусть и без обжираловки. А сто золотых за год службы? Да за такого богача любая красавица выскочит, и мамку с батьком не станет спрашивать.

Гуча собирался доказать Агнессе, что он состоится на армейской службе не хуже, чем мерзкий Эрих Вернер. И от рыбалки своей не откажется, потому что так сказал. Дай срок, он ещё командовать будет Вернером, - ать-два, уж он погоняет Вернера перед строем, уж он ему покажет!

Так рассуждал про себя Гуча, не делясь с товарищами, а сам нет, да ощупывал золотой в кармане тагариса. А ведь то, что служба в армии так хорошо оплачивалась, поможет и его рыбацкой будущности. Там же сказали, что сразу после обучения в тренировочном лагере им выдадут по 50 золотых, - он купит снасти, о которых не смел и мечтать, купит резиновую лодку, накупит книг по рыбалке. Из книг узнает, как нужно прокачивать рыбацкое мастерство, а то один уровень в четыре-шесть месяцев, это же курам на смех. А когда они с Агнессой завершат контракт, то отправятся в кругосветное свадебное путешествие, - он сможет ловить разную рыбу в озерах и реках. И он, наконец, увидит море, а там-то рыбал-

ка будет совсем другая.

Гуча прислушался к болтовне приятелей. Обсуждали трусов и отщепенцев, отказавшихся подписывать контракт. Ладно, девчонки, - из пятерых выпускниц контракт подписала только Агнесса. Ладно, слабаки Тим и Гарри, - эти любого синяка избегали так тщательно, что о репутацию хоть ноги подтирай. Но было странно, что сын директора, Рудольф Люренсдорф, тоже не стал подписывать контракт. Сам мистер Люренсдорф отслужил дважды по пять лет и очень гордился этим, имея особенную награду, - ему вручили гримуар с редкой способностью **"кинжал адамантова сердца Брыля"**.

Каждый новый учебный год, в первый день занятий, директор демонстрировал эту способность. В школьный двор выносили мишень, и мистер Люренсдорф, посвистывая, кидал длинный обоюдоострый кинжал куда-то вбок. Описав полукруг, или сделав петлю, или описав восьмёрку, кинжал неизменно вонзался в "яблочко". Стоит ли говорить, что, после такого чуда, первоклашки смотрели на директора разинув рот (во всяком случае, всю первую четверть). Старший сын Люренсдорфа служил при каком-то генерале в столице, чай с бубликами подносил. В школе не сомневались, что и Рудика Люренсдорфа родитель устроит туда, где все опасности армейской службы будут сводиться к шансу генеральской зуботычины. Не служившим в армии были закрыты вкусные государственные должности, - отпрыски нобилей всегда служили. Неужели Рудик Люренсдорф оказался такой

бесподобный трус?

- Из Рудика всегда сопля текла, стоит только поднажать, - сказал Димми. - Странно, что и Фред Шелер не стал записываться. Вот уж про кого не сказал бы, что трус. Помните, как он в седьмом классе Лукаса избил? Лукаса Вареника? А ведь Лукас на голову выше его.

Фред Шелер был единственным сыном старосты деревни. Гуча был дружен с ним в младших классах, а после они отдалились, - у Фреда появилась своя компания, состоявшая из отпрысков состоятельных семей. Гучу к себе не принимали, да он туда и не рвался, в старших классах завёл собственных друзей.

- Он же всегда только и болтал, что об армии, - удивлённо проговорил Питер Вольф. - Ещё вчера хвастал, что отец ему уже и местечко подобрал, - будет честь отдавать да медальки себе пришпиливать, за боевые заслуги. Ты точно знаешь, что Фред не завербовался?

- Он сам мне сказал, что не будет записываться, когда уходил после выварки, - произнес Димми.

- И почему?

Димми пожал плечами.

- Я что-то не спросил. А он быстро ушёл.

- Значит, на поверку и этот оказался трусом, - сделал вывод Питер Вольф. - Давайте каждый даст ему по щелбану, когда увидим.

Так и порешили. Правда, встретиться с сынком старосты

им больше не довелось.

* * *

Вернувшись домой, Гуча застал родителя за столом в гостиной.

Лукас Камнеглот, сидел насупленный, обхватив голову обеими руками. Он был трезв, насколько это вообще могло быть применимо к нему. Об утреннем возлиянии докладывал только перегар, периодически прокатывавшийся по комнате волнами.

Бросив быстрый взгляд на сына, мистер Камнеглот опять, не сказав ни слова, принял позу мыслителя. Гуча наскоро перекусил солёными грибами и собрался на выход. Выварка вываркой, а рыбалка по расписанию.

Гуча уже стоял у двери, когда мистер Камнеглот оживился.

- Как прошла выварка, сынок?

- Да ты сам посмотри, отец.

Мистер Камнеглот взглянул на профиль Гучи.

- Какой ты у нас молодец, весь в меня пошел! Я ведь тоже разведчик-мародёр! Как вернулся со службы, так сразу на твоей матери и женился. Не посмотрел, что порченная была. А там и ты зародился, сыночек!

По опыту Гучи, когда родитель впадал в сентиментальное настроение, из этого никогда не выходило ничего хорошего.

-- Я на рыбалку, - сказал Гуча, касаясь дверной ручки.
- Дома жрать нечего. С вчера оставалось четыре бычка, ты всех четырёх умял.

- Погодь, а что с контрактом? Болтают, ты подписал контракт.

К отцу в последнее время повадилась ходить одна мразная баба, которую в деревне называли Гнилой Гретой. Видно, она принесла новость, как сорока на хвосте, подумал Гуча.

- Ну, подписал, - он готов был выскочить за дверь.

- А золотой за контракт?

- Будет тебе золотой, - проговорил Гуча тихо и выскочил наружу.

Мистер Камнеглот, жареный лук в бороде, рванул к двери, опрокинув табуретку.

Убегая в сторону речки, Гуча ещё долго слышал у себя за спиной рёв родителя:

- Отдай золотой, сукаааа!!!

* * *

Рыбалка оказалась удачной. В самом начале лова Гуча поднял уровень, - наверное, поэтому кроме привычных бычков с пескариками ему удалось выловить щурёнка и двух брюхастых окуней, что уже претендовало на хорошую уху. Когда сумерки загустели настолько, что и поплавка не видеть, Гуча нанизал рыбёшку на ивовый прут и отправился обратно в деревню.

К отцу на глаза ему лучше не показываться. Он потрогал золотой, - нормально, лежит себе в кармашке. На этот случай у Гучи был план действий: он переночует у Вольфов, родителей Питера, он уже делал так не раз и не два. У Вольфа было тесновато: Питер имел трёх младших сестрёнок, но мать Питера, тётка Берта, всегда относилась к Гуче хорошо, хотя считалась в деревне гремлиншей занозистой и ругливой.

Так и на этот раз. Увидев Гучу, тётка Берта (или Усатая Берта, как её называли за узкие черные усики) не стала спрашивать, только и спросила:

- Ляжешь на чердаке? Мы Питеру сейчас там стелим. На сене мягко будет. И аромат как на лугу.

Гуча не возражал. Он передал рыбу тетке Берте и с огромным удовольствием выслушал её восторги, - семья жила бедно, детей четверо ртов, и свеженькая ушица на ужин была не лишняя. Когда Берта кинула в воду морковь и лук, от варёва пошел такой дух, что три девчонки, стучавшие ложками в ожидании своих порций, слюнями изошлись. Гучу тоже посадили за общий стол, налили ухи, и он радовался, глядя, как ближние Питера уписывали его рыбу, тщательно снимая мясо с каждого плавничка, с каждой мелкой косточки.

Самого Питера дома не было. Гуча поинтересовался у Усатой Берты, где приятель. Та замахала руками:

- Да придёт он! Придёт! Говорила я, чтоб возвращался пораньше, да куда там. А ты не жди его, не жди. Вы же завтра уже отправляетесь в армию свою, и зачем она вам сдалась.

Нужно же выспаться хорошенько, на дорожку.

На чердаке оказалось, в самом деле, классно: стоял терпкий запах сухого сена, из круглых слуховых окошек веяло ночной прохладой. Гуча и не заметил, как уснул. Он успел просмотреть пару снов, когда пронзительно заскрипели ступени: возвратился Питер.

Гуча проснулся на один глаз.

Питер поздоровался, Гуча что-то пробубнил сквозь сон. Питер нагрёб сена, устраивая ложе. Улёгшись, почти полусидя, он принялся вслух рассуждать об Эмилии Роуз, плоскогрудой пигалице. В военной школе она, как и большинство девчонок на деревне, не училась, - не имела ничего выдающегося в параметрах, поэтому Гуча видел её редко, вспомнился только задранный сопливый нос. Оказывается, у этой девчонки, их ровесницы, были волосы не цвета грязной соломы, а золотые. Худосочные пальцы - как белый фарфор, высшей, разумеется, пробы. А кожа вовсе не желтовата - это загар такой. Что же до губ, о которых Гуча побоялся бы обрезать, - тут Питер мог излагать только междометиями, как будто изголодался и ему подали мороженку с клубникой.

Гуча почти заснул уже, когда Питер, наконец, вспомнил о его обстоятельствах:

- Слухай, твоя Агнесса... Это ты из-за неё записался в армейку?
- Угу.
- Уважаю. Мужик.

Питер долго молчал, улыбаясь чему-то своему. Уже готовый погрузиться в сон, он ещё раз вспомнил о Гуче:

- Зря ты не выучил арбалет. Ей-Богу, зря, в армию же идем. Там не рыбалка нужна, а оружие.

Гуча ничего не ответил, сморённый сном. Вскоре захрапел и Питер.

* * *

Ранним утром на площадке перед домом старосты начали собираться гремлины-новобранцы. С ребятами, только что прошедшими выварку, были родители. Некоторых провожали жёны: перед тем, как оказаться в ритуальной пещере, вербовщик успел побывать в деревне и там завербовал с полсотни гремлинов разных возрастов. Вербовка деревенских продолжилась и вечером вчерашнего дня, пока Гуча рыбачил, и ночью, до полуночи, при свете факелов.

Гуча явился к дому старосты одним из первых. Домой он не заходил, - пусть отец немного позлится без его рыбки и его золотого за вербовку.

Правда, в доме имелась одна вещица, сохранность которой его беспокоила.

В каморке, которая была комнатой Гучи, уже ничего не оставалось, чем бы родитель Гучи мог поживиться. Даже нарядная занавеска с подслеповатого оконца давно ушла не то трактирщику, не то лавочнику. Но под кроватью, за скатан-

ным старым ковром, Гуча прятал деревянный ящик, о котором отец не знал. В ящике находились его детские сокровища, да и не совсем детские, - два мотка тонкой, но крепкой бечёвки, набор поплавков (помимо перьевых, самодельных, было и три покупных). В маленькой коробочке лежали крючки, - основная драгоценность Гучи. Не согнутые гвоздики, а настоящие кованые крючки, сделанные мастером-кузнецом. Гуча весь последний год то помогал трактирщику, то чистил чужие козлятни, а заработанные деньги тратил на покупку рыболовных снастей. Он берёт крючки как зеницу ока, оставляя для своего большого рыбацкого путешествия. Ещё в ящике лежала всякая мелочь, которая не имела цены, но жалко было выбросить: ржавый складной нож, несколько красивых пуговиц, выуженный год назад трещиноватый свисток из жёлтой кости. Гуче не хотелось оставлять дома все эти богатства, но что он мог поделаться, в тренировочном лагере они были не уместны, - там, как рассказывали, с утра до вечера занимались муштрой, там было не до рыбалки.

"Поколочу отца, если хоть пальцем тронет, " - подумал Гуча и сразу почувствовал облегчение.

Тут он увидел Агнессу. Она была одета как воительница из легенд, - кожаные лосины, короткая куртка со стальными нашивками, на поясе - короткий кинжал в богатых ножнах, отделанных золотом. За спиной - короткий лук, чью рукоять украшали три фиолетовых камня. На груди у девушки висел необычный медальон, - голова чёрного дракона в обрамле-

нии из крупных рубинов. Она сразу направилась к нему (Гуче хотелось верить, - не потому, что Эрих Вернер ещё не пошёл).

- Я думал, отец повезет тебя в лагерь в карете.

- Я бы поехала в карете, но нужно мышцы укрепить. Как тебе моя новая способность?

У Гучи не было желания залезать в профиль Агнессы, - не хотел лишний раз себя растравливать, просматривая документ, насколько он ей не ровня. Но раз приглашали, пришлось посмотреть.

Имя: Агнесса Ульбрехт.

Статус: Простолюдин .

Раса: Гремлин горный.

Расовый бонус: сумеречное зрение.

Класс: Ассасин...

- Вниз смотри, - сказала Агнесса. - Знаешь, что это такое?

Агнесса имела три слота в извилинах, а не один, как у Гучи. Но это для Гучи уже не было новостью. Первый слот занимало "**мастерство кинжала**", - гримуар с этим талантом Агнесса вчера постигла у Гучи на глазах. Третий слот был пустой, а вот второй...

Гуча прочитал вслух:

- "**Прятки Моригоза, круг первый**". А это что за хрень?

- Смотри.

Агнесса исчезла.

- Лови меня! - раздался её голос у него за спиной.

Он оглянулся. Агнесса показала язык и опять исчезла.

И опять, её голос за его спиной:

- Лови меня!

Она весело смеялась, любуясь, как он беспомощно крутится туда и сюда.

Они привлекли внимание других новобранцев.

- Во даёт девчонка! - ухнул кто-то.

- И что это за способность?

- А у меня за спиной появиться можешь?

Агнесса с удовольствием появилась за спиной и у сухопарого Жака Клеща, и за спиной Тита Гнутого (Титу было под пятьдесят, и все равно в новобранцы записался, наверно, самый старый из всех). Даже вербовщик подошел, мистер Лефевр:

- Так, девчонка, не мелькай. Что там у тебя? А, прятки Моригоза, я так и знал. Дорогая штука. Но спасёт, если что. Все собрались? Переключка.

Лисовин зачитал список - оказалось, пока что подошло чуть больше половины завербовавшихся. Мистер Лефевр, выражаясь по-армейски, отправился к старосте, - этих засонь он сгонит с кроватей палками, если потребуется.

Гуча оценил приобретение Агнессы:

- Мда, хорошая штука. И сколько твой старик за этот гримуар отвалил?

- Отец сказал, три тысячи золотых.

- Стрель ты в поясицу!

- А ещё вот это - тысяча золотых, - Агнесса хлопнула по ляжке, затянутой в блестящую кожу. То есть она хлопнула по кинжалу, обращая на него внимание Гучи, а по ляжке получилось как бы заодно.

- Оо!

- А вот это - полторы тысячи, - Агнесса показала на медальон, висевший у неё на груди.

- И он тоже что-то может?

- А то!

- А это - две с половиной, - она показала на лук. - А ещё отец сказал, что съездит в столицу и купит для меня пару подходящих гримуаров. Выучу, когда отпуск дадут.

- Вот это уж врешь. У тебя всего один пустой слот в извилинах остался, куда ты собираешься засунуть две способности?

Агнесса засмеялась:

- А вот увидишь, увидишь! И ещё место останется!

Ну-ну. Девчонка, видно, совсем ошалела от своего счастья.

Гуча ненавидел себя: он должен был радоваться за Агнессу, а вместо этого злился на неё. И уж не потому, что завидовал. С каждой такой новой вещичкой, с каждой способностью, недоступной Гуче, Агнесса всё далее отдалялась от него, всё более показывала, что они - не пара.

Ничего, он докажет ей, какая они пара.

И, впервые за всю жизнь, Гуча подумал о будущем не как о времени, которое хорошо бы заполнить рыбалкой.

Пока что не будет у него никакой рыбалки. Он станет заниматься в солдатском лагере с таким усердием, что, по совокупности уровней, догонит и перегонит Агнессу. У него были два таланта, маскировка и мародёрка, - он разовьёт их до таких высот, каких в этом дрянном лагере и не видывали. Да тридцатого уровня, а может, даже до пятидесятого. И тогда посмотрим.

Подошел Эрих Вернер и увел с собой Агнессу, обменявшись с Гучей колкостями. Подошли друзья Гучи - Питер Вольф, близнецы Шефер. Подошел Толстый Бен, сын трактирщика, - этот, конечно, и не думал подписывать контракт, толстяк пришёл проститься с друзьями.

- Гуча, сынок!

К своему изумлению, он увидел отца.

Ах, да. Золотой-то всё ещё оставался у него, и старик знал об этом.

- Мой сынок!..

Отец был в состоянии максимально возможной трезвости, то есть не шатался, не изрыгал выпитое и не источал перегар. Огуречного рассолу напился, что ли.

Мистер Лукас Камнеглот поздоровался с друзьями Гучи за руку, уважительно, как со взрослыми, а Гучу обнял. Устраивать потасовку не хотелось, и Гуча не стал отбиваться. К счастью, отец не полез целоваться, да и обнимал не долъ-

ше, чем допускали приличия.

- Вот вы какие, - проговорил мистер Камнеглот, отступив на шаг и оглядывая компанию Гучи. - А я-то помню вас вот такими! - Он показал ладонью у земли. - Бейте врагов, ребята! Режьте, колите, грабьте, жгите, насилюйте! Бейте врагов!

- Так точно, мистер Камнеглот, - проговорил Тимми Шефер. - Так и будет!

Все улыбались.

Опасаясь, что отец продолжит паясничать, Гуча уже хотел отвести его в сторону, но мистер Камнеглот отошел сам, на ходу бросив тихо, со всхлипыванием:

- Я горжусь тобой, сынок!

Про золотой, находившийся в кармане Гучи, не было и намёка.

Мистер Камнеглот присоединился к толпе провожавших и чинно стоял там, не выказывая натуры, вплоть до окончания проводов.

Перед отправлением вербовщик раздал всем по вещевому мешку и велел взять с собой только то, что можно было унести в мешке, а остальное он всё равно отберёт и выкинет. Это было разумное распоряжение, - некоторые нагрузились в дорогу как вола, а один толстяк прикатил тележку, заполненную доверху съестными припасами. Приказ, - и новобранцы, построенные по двое, двинулись пылить по просёлочной дороге.

Гуча оглянулся.

Отец не уходил, - смотрел вслед, махал рукой.

Когда деревня готова уже была скрыться за поворотом, Гуча оглянулся ещё раз, - в числе немногих оставшихся провожавших, стоял его отец.

А может, старик не такая уж и скотина, - подумал Гуча, поправляя лямки вещевого мешка.

* * *

На привале Агнесса опять показывала свои фокусы со способностью **"прятки Моригоза"**. Гуча поинтересовался у неё после представления:

- И как это у тебя получается?

- Я стала видеть границу света и тени иначе. Не та

к, как раньше, до изучения гримуара, - затараторила Агнесса. Она рассказывала это уже раз пять, но поскольку способность и для неё самой была внове, это ей ещё не надоело.

- Представь приоткрытую дверь. И в неё можно шагнуть. Я захожу в пространство между светом и тенью, и тогда вы меня не видите, а я вижу вас. Выхожу где хочу, но далеко отойти от места входа не могу, очень уж холодно там. Да смотри сам, как я иззябла, - И она коснулась двумя пальцами его щеки.

А пальцы-то были тёплые.

Гучу бросило в жар. Ещё мгновение, и он обнял бы Агнессу за плечи, провел ладонью по спине.

- А, Эрих! - воскликнула Агнесса и убежала к сопернику

быстрее, чем Гуча успел моргнуть.

Питер Вольф, дружок закадычный, ободряюще хлопнул его по плечу:

- Пряма как не твоя. Может, опрокинешь её на ночном привале?

- Да иди ты.

Питер, посмеиваясь, отошёл.

Как вскоре выяснилось, в их отряде только двое имели премиум-класс, Агнесса и Эрих Вернер. Неудивительно, что Эрих тоже привлекал внимание публики, но не настолько, как Агнесса.

Эрих был из семьи зажиточных фермеров, но уж богатеями их никак нельзя было назвать. Поэтому у Эриха не было ни дорогого оружия, ни новых способностей, почерпнутых из дорогостоящих гримуаров. Его профиль то и дело просматривали, удивлялись трём слотам в извилинах, ему завидовали, - но, в общем-то, он был такой же новобранец, как все. И почему бы не отодвинуть его от Агнессы, не выиграть соперничество, рассуждал Гуча.

Ночь прошла в разговорах у костров, мало кто спал. Утро встретило новобранцев и их командира, мистера Лефевра, густой пеленой тумана. Вербовщик велел строиться по двое в колонну, но движение не начинал. Всегда напыщенный, самоуверенный, мистер Лефевр выглядел растерянным. Походив вдоль колонны в раздумье, он приказал: "Эй, кто-нибудь, влезьте на дерево и посмотрите, в какой стороне чёртов холм

с плоской верхушкой".

Сразу вызвались два парня, которых Гуча не знал, и Тимми Шефер, круглый отличник по физкультуре и победитель всяких школьных соревнований. Парни взобрались на ветвистые дубки, довольно высоко забрались по толстым веткам, но ничего не увидели, туман стоял как молоко.

И тогда в дело вступили их доморощенные ассасины.

Эрих и Агнесса словно нарочно ждали, когда другие древолазы опозорятся, дабы блеснуть. Тимми Шефер ещё сидел на своей ветке, безнадежно вглядываясь из-под руки в туманное марево, а Эрих и Агнесса уже лезли на высокую сосну.

Эта сосна поднималась над остальным лесом, словно только она и была деревом, а остальные деревья - лишь грибки да одуванчики у её корней. Расстояние между ветками там было такое, что гремлину и думать нечего было подняться на вершину, переходя с одной ветки на другую. Вот тут-то и выяснилось, что Гуча очень недооценил возможности премиум-класса. Даже без всех дорогостоящих способностей, Эрих не отставал от Агнессы. Они вдвоём, как белки, быстро полезли по стволу дерева, и никакие ветки им не были нужны. Их коготки, - дар телу, пришедший с премиум-классом, - хорошо цеплялись за сосновую кору, так что тела не нуждались ни в каких дополнительных подпорках.

Не успел Гуча от души выругаться, как ассасины забрались на самую верхушку сосны и оттуда стали кричать, пе-

ребивая друг дружку, и показывать руками нужное направление движения.

В этот день Гуча не подходил к Агнессе и был рад, что и она к нему не подошла. В её сторону он вообще старался не смотреть, дабы не наткнуться на неё вместе с Эрихом (получалось плохо).

На третий день пути закончилась провизия, которую новобранцы взяли с собой. Мистер Лефевр брезгливо выслушал нытье по поводу оставленных в деревне кульков с провизией, не вместившихся в вещевой мешок. Затем, не говоря худого слова, он отобрал пять арбалетчиков, имевших лучшие показатели в арбалетной стрельбе (нашлись возрастные дядьки с уровнем в арбалете от 10-го по 15-й, уже откатавшие по паре военных контрактов). С ними увязалась Агнесса, хотя вербовщик не хотел брать юных ассасинов, их 5й уровень в луке смотрелся слабовато.

Группа вернулась с тремя небольшими горными козлами, привязанными за ноги к палкам для удобства переноски.

Развели костры, и скоро гремлины стали лакомиться жареной козлятиной.

Гуча устроился за тем костром, где не было Агнессы.

- А двух-то козликов из трех наша ассасинша прибрала, - проговорил один из дядек, ковыряя щепкой в зубах.

- Её лук быстрее арбалета будет.

- Не луком. Кинжалом заколола, сумела подобраться близко.

- Она же малолетка, только выварку прошла, - удивился, рыгая, какой-то вислоусый толстяк.

- У неё 20 уровней в кинжале, - пояснил первый дядька.
- Угу, и мы спросили, как. Она сказала, что эбеновыми табличками опыта уровни подняла.

- Ещё бы не поднять, - сказал кто-то. - У Ульбрехтов, говорят, подвал золотом забит. Что им стоит, закупить эбеновых табличек для единственного дитяти. А как она сумела перейти Грань на 10-м уровне?

- Не говорит. Смеётся.

Гуча знал про эбеновые таблички, - о них рассказывали учителя в школе, о них мельком упоминалось в книжках по рыболовству, которые ему доводилось читать. Одна эбеновая табличка прибавляла один уровень в любой способности на выбор, будь то **мастерство кинжала или искусство рыболовства**. Вместо того, чтобы часами вкалывать, постигая секреты мастерства, можно было разломить одну эбеновую табличку.

- И сколько она стоит, эта ваша эбеновая табличка? - грубовато спросил Гуча.

- А ты не сынок ли пьяницы Лукаса Камнеглота, случаем?
- усмехнулся дядька лет сорока. - Забудь о ней, эти щи не для твоего хлеба!

Объевшиеся козлятиной, новобранцы весело заржали.

* * *

В тренировочный лагерь они вошли вечером следующего дня.

Лагерь располагался в широкой долине между горами Вовий Носок и Верблюд. Для отцов командиров имелись сложенные из сосновых брёвен добротные дома, для новобранцев - множество брезентовых палаток. Все палатки были расставлены в идеальном порядке по сторонам от претория – места размещения командиров.

Ужин выдали неплохой, похлебка из свинины. После ужина тех новобранцев, которые уже ранее проходили военную службу, отделили - после недельной подготовки их сразу разошлют по воинским частям. Отделили от общей массы и новоиспечённых вундеркиндов, Агнессу и Эриха, им полагалось какое-то специальное обучение. Всех остальных построили, затем перестроили, затем перемешали и опять построили, после чего стали разделять на дюжины, не учитывая классы. Учитывалось, каким боевым талантом владел гремлин, арбалет или кинжал. Когда дошла очередь до Гучи, лагерный инструктор, сержант Хельм, прищурился:

- Это что такое, парень, что я вижу? Какая, к бесу, рыбалка?

Сержант Хельм был долговязый троллин с крашеной бородой и крашеным сиреневым ирокезом. Вообще-то поселений троллинов не было во владениях замка Вышняя Твердь, но пришлых троллинов с удовольствием брали на службу

во всех замках. Троллины считались исполнительными и не способными устраивать какую-нибудь дичь, пусть и немного глуповатыми.

- Я не хочу убирать рыбалку из талантов, слишком дорого она мне обошлась, - сказал Гуча, стараясь, чтоб голос звучал твердо, но не нагло. - Я же могу выучить хоть арбалет, хоть кинжал, до пятого уровня и без таланта. А мои основные умения, хоть маскировку, хоть мародерство, я готов выучить до максимума. Таким образом...

Мистер Хельм рассматривал Гучу, как пьяница рассматривает муху, попавшую в стопарь. Не успел Гуча завершить мысль, подвести итог, как инструктор выскочил из-за стола, схватил Гучу за плечо и поволок куда-то, немало не заботясь о том, бежит ли Гуча по земле или проносится по воздуху.

Гуча оглянуться не успел, как оказался в кабинете коменданта лагеря, полковника Конрада Шнайдера.

Молодой гремлин обрадовался, увидев, что комендант лагеря - тоже гремлин, его соплеменник. Однако сам полковник Шнайдер не разделил тёплое чувство юноши.

Комендант Шнайдер был сед, сухощав и властен. Едва выслушав рапорт сержанта, он рявкнул:

- Вербовщика ко мне! Живо!

В дверях сидел огр средних лет, совмещавший функции телохранителя и вестового. До этого Гуча дважды видел огров, и они были ему неприятны, - огромный живот, фартуком опускавшийся до коленей, толстые белые руки с пальца-

ми-сосисками, всегда лысая голова и гладкий тройной подбородок. Не то чтобы огры стриглись под ноль, - у них, по породе, на голове не росли волосы.

Огр лениво поднялся, словно гора нависла над Гучей, и доложил:

- Вербовщик уже уехал, господин полковник. Я сам видел.

Комендант махнул рукой, и огр сел. Словно бы пространство вокруг Гучи сразу сделалось больше, и кислороду прибавилось.

Полковник Шнайдер забарабанил пальцами по столу, принял решение быстро:

- Вот что, ты... - он запнулся, словно бы подбирая подходящее ругательство. - Ты, умник... Живо затри свою вонючую рыбалку. - Вестовой! Бегом к интенданту, пусть даст гримупар с арбалетом. Скажешь, я приказал.

Огр, бросив неприятный взгляд на Гучу, вышел.

- Господин полковник, сэр... - У Гучи засипел голос, как всегда случалось при волнении, хорошо сдобренном страхом. - Я же могу выучить арбалет и без таланта, я буду тренироваться и день и ночь, я всегда мечтал стать солдатом, я не подведу... Только оставьте, оставьте мне мою рыбалку!

- А ты знаешь, сопляк, что без таланта ты сможешь выучить арбалет только до пятого уровня?

- А ещё я, день и ночь, буду тренировать **маскировку** и **мародёрку**, а это мои основные способности. Я стану лучшим разведчиком-мародёром в лагере!

- Вот что, сынок, - голос полковника подобрел, он даже улыбнулся. - Либо ты сделаешь то, что я приказал тебе. Сделаешь прямо сейчас. Либо, клянусь Стоединым...

В дверной проём, толкаясь, полезли два огра, - возвратившийся вестовой и огр постарше, на просторной хламиде которого, сразу над кармашком, было вышито "интендант". Поскольку для двух таких туш проём был мал, одному пришлось уступить, и это был вестовой, которого огр-интендант отодвинул рукой к себе за спину, как старший по званию.

- Чего там, капитан? - буркнул комендант лагеря.

- Не могу исполнить приказ, сэр, - отрапортовал интендант. - Нету у меня гримуаров!

- Как, нету? А я не говорил тебе в прошлом месяце, чтобы ты привёз с пяток гримуаров со склада в Астробрюке? Нам каждый раз присылают хоть одну такую гниду, как эта. - Комендант показал подбородком на Гучу.

У Гучи слегка потеплело на душе: значит, его случай - вовсе не исключительный. Значит, и раньше в лагере были новобранцы, которые имели в извилинах свою собственную способность, а не ту, которую им навязывали.

А может, и сейчас был хоть один такой в лагере, кроме Гучи?

- Нач.склада сказал, что гримуары - для вербовщиков, но я могу оставить заявку, - проговорил интендант. - Я оставил заявку. Нач. склада сказал, что рассмотрят.

- Вон.

Интендант, хмуясь, убрался.

- Бюрократы чёртовы... - пробормотал полковник Шнайдер. - Писаря ко мне!

Вестовой исчез, и не успел полковник прочистить горло, как в дверях показался писарь, низенький лисовин с бумагой и пером. Наверное, он занимался бумагомаранием в соседнем кабинете, слишком уж быстро явился, - подумал Гуча.

- Пиши! - приказал комендант. - Его светлости Ричарду Дункану, всеславному Герою и повелителю... Рапортую Вашей Светлости, что вербовщики приводят новобранцев неподготовленных... Нет, не то, зачеркни. Да не с самого начала, а только от "Рапортую". Итак, рапортую Вашей Светлости, что...

Комендант сделал жест рукой, приказывающий Гуче и сержанту немедленно исчезнуть.

- А с этим-то что, сэр? - спросил сержант Хельм.

Гуча не удивился бы, если бы полковник приказал кинуть его собакам, но полковник Шнайдер, человек, в общем-то не злой, просто подрихтованный годами службы, проговорил лениво, словно изгоняя надоедливую муху:

- Да к арбалетчикам его засунь, что ли. Пусть пока учит арбалет без таланта. Чего разулыбался, парень? Интендант привезёт гримуар с арбалетом самое позднее, чем через неделю, и тогда вот этот джентльмен (комендант показал на огра) вобьёт его тебе в глотку, если откажешься разучить! Живо исчез!

Гучу определили в полуроту сержанта Краузе, маленького крысоватого гремлины, разведчика-следопыта 76го уровня. Сержант Хельм в двух словах рассказал ему о Гуче, тот скорчил кислую мину, но высказывать не стал, за что Гуча остался премного благодарен.

Его поместили в шестиместную палатку, четыре места уже были заняты. Ни одного знакомого лица. Его соседями оказались гремлины из разных мест. Братья Бруно и Алан Лехманы прибыли из деревушки Нижние Козлецы, - они были погодки и постоянно ругались друг с дружкой, так за шестнадцать лет и не решив, чьи под кроватью тапки. Молчаливый, степенный Лукас Шмит был родом из Западной Утицы - большой деревни на севере владений Вышней Тверди. Матео Бауэр, старший из всех, прибыл из какой-то деревушки Малые Сверчки, о которой никто не слышал, - он держался как бывалый, повидавший всякие виды тёртый калач, хотя ему только исполнилось двадцать.

Войдя в палатку, Гуча почувствовал, как по-свойски, не спрашивая разрешения, все полезли к нему в профиль. И он не остался в долгу, быстро просмотрел профили своих будущих сослуживцев. Оказалось, все парни были разведчики-следопыты, только Гуча – разведчик-мародер, и все - на 1-2 уровня ниже его двадцатого.

- Что, будем мародёрить? - подмигнул ему Матео Бауэр.
- Только у нас не мародёр, - захохотал толстый Бруно

Лехман.

Шутка была так себе, но все засмеялись, радуясь хоть такому развлечению.

Поздоровавшись, Гуча выбрал крайнюю койку. У всех парней было выучено **искусство арбалета. Рыбалку** Гучи словно бы и не заметили, - вот и хорошо, если всем наплевать. Не успел он закинуть вещмешок под раскладуху, как полог палатки откинулся и в сумеречном свете уходящего дня Гуча увидел последнего обитателя палатки.

- Здоров, народ!

В палатку к гремлинам вошел человек, по смуглому лицу и курчавым волосам которого Гуча, даже не заглядывая в его профиль, сразу определил каппадокийца. Хотя каппадокийцы были ребята рослые, но этот был не выше Гучи, - подтянутый, одетый скорее в хламиду волшебника, нежели в длиннополую куртку (сейчас все были в домашнем, - форму обещали выдать утром).

- А ты, парень, случаем, не ошибся палаткой? - спросил Матео Бауэр грубовато, но без вызова.

Как Гуча успел увидеть, в лагере обучались представители трёх племён, имевших поселения во владениях Горней Тверди, - гремлины, огры и люди каппадокийцы. Традиционно, гремлины рождались разведчиками, огры - воинами или, реже, магами. Каппадокийцы были всем известными магами огня, изредка среди них рождались воины-шпажисты. Но ни Гуча, ни его новые товарищи никогда не слышали про кап-

падокийцев разведчиков или арбалетчиков.

- Да ты сперва на мой профиль взгляни, дурила, - весело сказал каппадокиец.

Он обращался к Бауэру, но и Гуча, разумеется, сразу взглянул в профиль нового соседа, - пустая койка стояла рядом с той, которую он занял.

Имя: Мартин Бурхан, общий уровень 17.

Статус: Простолюдин.

Раса: Человек, каппадокиец.

Расовый бонус: защита от огня +1, но не более 50 суммарно.

Класс: Разведчик-мародёр.

Основные параметры:

Живучесть: 6.

Ловкачество: 6 .

Сила: 4

Хитроумие: 7.

Основные способности:

Маскировка: уровень 5.

Мародёрство: уровень 5.

Извилины: всего 1 слот.

Слот 1: Сопротивление огню, уровень 1.

- Так ты с рождения был разведчиком, что ли? А после выварки стал разведчиком-мародёром? - спросил Алан Лехман.

- С рождения я был магом огня, а после выварки стал раз-

ведчиком-мародёром, - сказал каппадокиец и кинул вещмешок на свободную койку.

- И тебя не сожгли инквизиторы? - веселился Матео Бауэр.
- Если бы я стал магом огня после выварки, то меня точно сожгли бы.

- А ты догадайся с трёх раз, сожгли меня или нет, - парировал каппадокиец. - Кто хочет чесночной колбасы, ребята?

Разумеется, захотели все, - Гуча стал испытывать чувство голода сразу, как вышел из солдатской столовки.

Мартин Бурхан оказался парень что надо, - помимо колбасы, он вынул из своего мешка краюху хлеба и вязанку острейшего перца, так что скоро все по очереди стали бегать к бочке с водой, ополаскивать рот. Давно стемнело, но никому не спалось. После перекуса братья Лехманы, Лукас Шмит и Матео Бауэр устроились играть в кости на щелбаны, освещая игральное место огарком свечи. Лехманы то и дело тыкали друг другу кулаками под рёбра, споря, какая выпала цифра. Шмит молчал. Бауэр почему-то выигрывал чаще всех, и щелбаны он раздавал красивые, со звуковым сопровождением. Гуча и каппадокиец в карты играть не стали, сразу после колбасы улеглись по койкам.

Просматривая профиль каппадокийца, Гуча заметил одну деталь, на которую другие, кажется, не обратили внимание.

- Слухай, - спросил Гуча, повернувшись к Мартину Бурхану, - у тебя в слоте извилин "**сопротивление огню**". У

меня - **рыболовство**, ты видел. Меня таскали к коменданту лагеря, требовали, чтобы я затёр рыбалку и выучил арбалет. У всех остальных парней арбалет. Тебя тоже таскали к коменданту, да?

- Не. Сержант поорал немного и сюда отправил. Сказал, что я буду учить арбалет как вторичный навык. Сказал, до пятого уровня доучу, а им, походу, больше и не нужно. - Каппадокиец усмехнулся. - А мне и пятого уровня не нужно.

Гуча полежал, осмысливая сказанное. Видно, комендант отдал команду: всех, у кого не было таланта арбалетчика, сразу направлять к арбалетчикам, не тратя его время. Это было понятно. Но почему – **«сопротивление огню»**?

- Я всегда хотел стать рыболовом, а тут такой случай подвернулся, повстречал мастера-рыболова и он передал мне свой дар, - сказал Гуча. - Рыбалка - дело классное. Когда раскачаюсь, смогу ловить рыбу на продажу. А тебе на кой **сопротивление огню**? Мечтаешь быть пожарником, что ли?

Каппадокиец долго не отвечал. Гуча уже начал подрёмывать, и тут Мартин Бурхан тихо заговорил:

- Я всегда хотел стать огненным магом. И сейчас хочу. У меня в роду все маги огня, даже две младшие сестрёнки. Я родился магом огня. После выварки я должен был стать магом лавы. У меня в классе все, кто родились магом огня, после выварки стали магами лавы.

- Кроме тебя.

- Да. Кроме меня. Я чуть с ума не сошел, когда увидел это

самое в профиле, "**разведчик-мародёр**". Жрец-свидетель и тот, другой, который над котлом заклинания читает, хотели меня сжечь. Орали, дескать, порча Инакого. Спасибо, инквизитор, отец Баррион, заступился. Сказал, разведчик-мародёр - класс разрешенный и показатели соответствуют. А там уже и старики вступились, из моей деревни. Оказывается, в моей деревне уже был один парень, который после выварки стал разведчиком-мародёром, и его не сожгли. Пятьдесят лет назад это было.

- А **«сопротивление огню»** откуда взялось в извилинах? И зачем она тебе?

Каппадокиец долго молчал, ворочался на скрипучей раскладухе. Затем проговорил, еле слышно:

- Дык я магом огня стать хочу. После выварки я сам взял гримуар "**сопротивление огню**" и выучил, вербовщик поздно спохватился. Все мои одноклассники учили этот гримуар. Без **«сопротивления огню»** даже простецкое огненное заклинание толком не сколдуешь.

- Я что-то не врубаюсь, - сказал Гуча. - Ты можешь хотеть стать попугаем на ветке, но ты - тот, который есть, и этого не изменить. Мартин, ты не маг огня и не маг лавы. Ты - разведчик-мародёр. И хоть тресни, до конца жизни таким останешься. И к какому месту тут пристало **«сопротивление огню»**?

- Не останусь, - пробормотал каппадокиец, и его плечи задрожали.

Расплакался, как девчонка, - угрюмо подумал Гуча. - Хорошо хоть, другие заняты игрой в кости, а то бы на смех подняли.

Отчего-то сам расстроенный не меньше каппадокийца, Гуча повернулся на бок и уснул.

* * *

На завтрак дали какую-то тыквенную кашу со сгоревшими до угля лепёшками (новобранцы называли их горелками, - на кухне всегда жгли лепёшки). Столоваться долго не дали. Гуча только начал отделять горелое от не совсем, как завтрак объявили законченным, их вывели из столовой и построили на площадке перед преторием.

Речь полковника Шнайдера была краткая и энергичная:

- Вот что, салаги. Вы думаете, что подписали контракт, почувствовали своими ручонками золото, - и вы солдаты? Какие вы солдаты. Вы - дрянь и грязь. Солдатами вас сделаю я, как Бог черепаху. Три месяца подготовки, затем - экзамен. Кто прошёл - солдат, 50 золотых в зубы. Кто не прошёл - вон из армии. А чтобы отработать стоимость плёток, которые я обломаю об вас, неучам придётся с годик потрудиться в угольной шахте Ставрии. За учёбу, черти!

Так, в полном соответствии с ожиданиями Гучи, началась муштра.

Сперва их два часа гоняли по скользким глинистым тро-

пинкам вокруг лагеря. Гуча, надо сказать, упал всего два раза, многие отличились больше. Затем, не дав минуты на передышку, их отвели на стрельбище.

Стрельбой из арбалета обучал единственный в лагере эльф, сержант Алексис Леруа. У него **мастерство арбалета** было основной способностью, и он имел здесь почтенный 42-й уровень, за что и был принят на службу Замком. После переклички эльф расположил новичков полукругом, сам поставил перед собой на землю арбалет и, с сивкающим придыханием, начал объяснять.

Легкие конструкции арбалетов - не для солдат армии Их Светлостей. Кому охота пострелять голубей - в другое место. Солдатский арбалет должен пробивать стальной нагрудник, причём - с дальнего расстояния. Это значит - арбалет натягивался не от стремени, но с использованием "козьей ноги", - специального приспособления, помогающего натянуть тугую тетиву. Сержант Леруа показал, как заряжают арбалет, и сам произвел первый выстрел, - как показалось Гуче, даже не прицелившись. Арбалетный болт (так называлась тяжелая арбалетная стрела) попал точно в середину мишени.

- Заряжаем. Подходим. Стреляем, - распорядился инструктор.

При попытке натянуть арбалет, у Гучи "козья нога" никак не вставлялась в нужные пазы и валилась на землю. Наконец он как-то приноровился, но вот попасть в цель никак не получалось, а ведь кабанья шкура была натянута всего в

20 шагах. Гуча сделал три подхода, и, всякий раз, промах. Другие Гремлины попали в шкуру хотя бы раз, пусть и не в "яблочко".

Такой нерадивый ученик привлёк внимание сержанта. И тут только эльф удосужился взглянуть на профиль Гучи.

- Как, у нас тут мастер-рыболов? Какого чёрта?

На счастье, эльфа услышал сержант Хельм, нёсший куда-то две мишени. Он подошел к Леруа и что-то сказал ему, тем самым избавив Гучу от объяснений. Когда Хельм отошел, Леруа взглянул на Гучу, как если бы ресторанному гурману подали падаль.

- Вот что, щенок, я не занимаюсь тут индивидуальным обучением. Ты же жрёшь со всеми, и будешь учиться со всеми. Мне наплевать, есть у тебя талант к высокому и благородному мастерству арбалетной стрельбы, или нет.

Гуча ничего не имел против такой постановки вопроса, и следующие четыре часа он провёл, раз за разом пытаясь попасть в кабанью шкуру. Он не понимал, в чём дело. У других новобранцев был пятый уровень в арбалетной стрельбе, полученный при изучении гримуара, а у него был ноль. Неудивительно, что они попадали в мишень, а он мазал. Но должен же он был попасть в мишень, пусть в самый краешек, хоть один единственный раз?

Время от времени то один гремлин, то другой, вопили как придураченные: у этих счастливицков мастерство арбалета повышалось на единичку.

Гуча ушел со стрельбища с тем же нулём в **мастерстве арбалета**, который имел в самом начале. Причём мастерство арбалета даже не обозначилось в его профиле, несмотря на его многочасовые усилия. Он знал, что должен был появиться раздел "**вторичные навыки**", но ни этого раздела в его профиле нет, ни **мастерства арбалета** в его профиле нет.

Раздосадованный, Гуча ловил на себе взгляды других новобранцев. Ему казалось, что на него смотрят с презрением или с насмешкой. Наверное, ему было бы легче, если бы "белых ворон" было в этой грачиной стае две, но Мартин куда-то запропастился. Гуча вообще не видел его после завтрака. Он хотел спросить у сержанта Хельма про Мартина, но боялся подвести каппадокийца. Ещё не хватало, окажется, что Мартин сдристанул куда-то втихаря, и Гуча невольно выдаст соседа по палатке.

Мартина не было ни на обеде, ни на ужине. Но вечером, вернувшись из столовой, Гуча увидел в палатке Мартина, как ни в чём не бывало кидавшего кости с братьями Лехманами.

Перед сном, уже улёгшись на раскладушке, Гуча спросил каппадокийца тихо:

- Мартин, где пропадал?
- Устроился на кухне вечным дневальным. Буду повару помогать. Да ты не шепчи, это все знают. Сержант Хельм знает. Может, не знает комендант, но ему наплевать.

- А как же арбалетная стрельба? Как экзамен? Помнишь, комендант что говорил. Болтают, в шахтах Ставрии больше полугода никто не протягивает.

- Экзамен? - Мартин издал непочтительный звук губами.
- Да сдам я экзамен. И ты сдашь, не парься. Коменданту самому не надо, чтобы экзамен проваливали, - от него солдат требуют, а не рабов на шахты. Похожу на **маскировку**, иногда. И на **мародёрку**. А арбалетной стрельбы мне и на дух не надобно, я же тебе ещё вчера сказал.

Гуча, против воли, зауважал каппадокийца, - парень был не старше его, но где-то нахватался жизненного опыта.

- А когда в часть попадёшь, после обучения, разве не станут клевать, что не выучил арбалет? Даже как вторичный навык не выучил?

Теперь они разговаривали полупшепотом. В дальнем от них углу палатки братья Лехманы, Бауэр и Шмит резались в кости. Чуткий слух Гучи уловил волчий вой, очень дальний.

Мартин заговорил ещё тише:

- Когда сдадим экзамен, нам выдадут по пятьдесят золотых, так?

- Так.

Мартин молчал. Было видно, как его подмывает что-то сказать, но он никак не мог решиться. Наконец он медленно заговорил:

- Знал бы ты, что такое, быть магом. Чувствовать, как магическая энергия плещется в тебе. Видеть то, что не дано

другим классам, - вход в магическое измерение... Когда я напитывал магией руки, это всё равно, что после забега на 20 лиг припасть к родниковой воде. Я родился магом огня, я познал магию, я до сих пор помню, как сколдовать "магического светляка". Вот только я зря буду кривляться, выписывать пассы, - сейчас никакой светляк у меня не сколдуется.

Гуча внимательно слушал, стараясь почерпнуть для себя что-то полезное. Передохнув, Мартин продолжил:

- Я шел на выварку, как на праздник. Я был уверен, что стану магом лавы и что мне дадут выучить гримуар "**сопротивление огню**". Без **сопротивлялки** колдовать можно, но, скажем, несколько проблематично. Ты слушаешь или спишь?

- Слушаю, но ты только не захнычь, а то сапог брошу.

- Слушай дальше. Выварка перекроила моё тело, отняла всё, что было во мне. Теперь я не чувствую в себе магию, не вижу вход, дверь в измерение магии. Я - как слепой котёнок.

- Я тоже не вижу какое-то там измерение магии и не парюсь по этому поводу.

- Ты не понимаешь, - в голосе Мартина впервые послышалась злость. - И никогда не поймёшь. Я был магом и должен был подняться на более высокую ступень в магии, а вместо этого меня засунули в тело дурацкого разведчика-мародёра.

- Эй, полегче. Я сам разведчик-мародёр.

- Угу. Извини... Так вот. Я знаю, что мне делать. - Мартин ещё больше понизил голос, перейдя на едва слышный шепот:

- Я должен опять пройти выварку.

Гуча, уже подрёмывающий, был потрясён.

- Ты в своём уме? Разве выварку можно пройти во второй раз?

- А почему нет? Я спрашивал у одного жреца, брата Бонифация. Он сказал, что это можно устроить.

- И как ты собираешься всё это проделать? И где? Пойдешь в свою школу, в день выпуска, попросишь, чтоб тебя ещё раз перековали?

- Ещё в ереси обвинят и инквизиторов натравят. Нет. Я не дурак. Отец Бонифаций сказал, что это потихоньку можно устроить. Для выварки нужен единственный жрец, ведь так? Тот, который читает молитву. Остальные - для массовки. Может, кроме отца инквизитора, но уж без его благословения я обойдусь. У отца Бонифация есть знакомый алхимик. Он сделает зелье для котла, а отец Бонифаций будет моим персональным жрецом-молитвословом.

Конструкция была интересная, но Гуча сразу почувствовал слабое место:

- Это же чёртову деньжищ будет стоить. Алхимия всегда дорогая, а тут ещё твой Бонифаций разинет роток.

- Отец Бонифаций сказал, что 50 золотых будет достаточно.

- Ах, вот оно что, - Гуча был доволен своею проницательностью. - Значит, как только мы сдадим экзамен и получим по 50 золотых, ты слиняешь из армейки?

- Угу.

- Будут разыскивать как дезертира.

- Будут разыскивать разведчика-мародёра. А если я, после выварки, стану огненным магом?

- А если не получится?

Мартин пожал плечами.

- Я не знаю, как мне жить без магии. Не знаю, как жить.

- Я хочу быть рыбаком, но вот с рыбалкой не получается.

Живу как-то.

- Ты всегда можешь вернуться к рыбалке, талант рыбака с тобой. А как мне колдовать?

Какое-то время они лежали молча, каждый - погруженный в свои мысли. Наконец каппадокиец заговорил, - тихо, просяще:

- Только ты никому не рассказывай про это дело, про выварку повторную...А?

- Могила, - заверил Гуча.

Уже засыпая, он опять услышал шепот Мартина:

- Если желаешь, я тебя тоже устрою на кухню. Кухмейстер сказал, что ему ещё один поварёнок нужен. Он классный мужик, хотя и огр, и не тупой совсем. Ты же рыбак, да? Заодно будешь рыбу ловить, для офицерской кухни. А насчет экзамена не кипишись, сдашь ты его, моя гарантия!

"Прям подойдут мои бычки для офицерской кухни", - подумал Гуча.

Хотя, тут и не в бычках дело.

- Я буду учить арбалет, - сказал он и повернулся к стене палатки.

Днем он мельком видел Агнессу, его до сих пор потряхивало.

Он докажет. Он докажет ей, что он твёрже духом, чем этот ничтожный выскочка Эрих Вернер.

* * *

Следующие дни показали, что одного желания Гучи что-то доказать для вселенной было мало.

Занятия по стрельбе из арбалета проводились каждый день, до обеда и после. А его основным способностям, мародёрству и маскировке, было отведено по часу в неделю. Сперва Гуче казалось нелепостью такое распределение учебного времени, ведь его класс - разведчик-мародер, у него таланты к этому занятию, так зачем же он, что ни день, берёт в руки арбалет? Как-то он высказал это сержанту Краузе.

Полуротный, сплюнув, сказал сквозь зубы:

- И дурак же ты, парень. В любой армии сколько нужно разведчиков? Десяток-другой, и довольно. А стрелки - основа любой армии, тут десятком не обойдёшься. И откуда же нам взять стрелков, если в этих землях нет прирождённых стрелков?

Мартин, которому Гуча рассказал об этом разговоре, развил мысль.

Владения Замка Вышняя Твердь населяли, в большинстве

своём, гаттлинги, - трудолюбивый народец, внешне похожий на гномов, но совершенно не воинственный и питающий отвращение к рудному и кузнечному делу. Гаттлинги рождались фермерами разных специализаций. Никаких талантов, хотя бы косвенно относившихся к военному делу, у них никогда не было. На севере проживали огры, чьи селения составляли в армию Замка отличных мастеров ближнего боя. На востоке Замок владел десятком деревушек каппадокийцев, дающих, немного, огненных магов и, ещё меньше, мечников. На юге и западе владений Вышней Тверди, у подножия старых лесистых гор, располагались многочисленные селения соплеменников Гучи - гремлинов, среди которых всегда находилось много желающих испытать военное счастье. Одна незадача, - гремлины рождались разведчиками, а армии нужны были мастера дистанционных атак. Замку ничего не оставалось делать, кроме как закупать гримуары с мастерством стрельбы из арбалета и учить гремлинов стрелять из арбалета.

Прошла неделя. С арбалетом у Гучи не заладилось. В приступе злости он разбил о камень два арбалета. За первый эльф-инструктор самолично протянул его плёткой пять раз, за второй - пятнадцать, и пообещал, что в следующий раз пороть Гучу будет лагерный палач, крепыш огр, а там ощущения иные.

Вечерами Гуча думал, не слушая болтовню Мартина, - да что за пропась. Законы Стоединого гласили: он мог вы-

учиться арбалетной стрельбе и без таланта, проявив усердие. Одно ограничение, его мастерство в арбалете не могло стать выше скромного пятого уровня. Но у него не было забот относительно пятого уровня, - он никак не мог взять первый.

День шёл за днём, а Гуче так и не давался арбалет. Он возненавидел стрельбище. Будь он магом огня, он давно испепелил бы и ненавистные мишени, и склад с арбалетами, и, в первую очередь, эльфа Алексиса Леруа, арбалетного инструктора. Леруа помогал другим ребятам, - давал советы, показывал правильную позицию, иногда даже за руки брал и придавал нужную позу и оружию, и стрелку. На Гучу - ноль внимания, за исключением тех двух раз, когда Гуча разбил арбалет. Ни слова поддержки. Леруа даже не третировал его, - просто не замечал.

Стоя в очереди к мишени, в руках - арбалет и три болта, Гуча делал свои три промаха и с этим отходил, и так до посинения, по кругу. Поначалу он краснел от стыда, ловя насмешки молодых стрелков. После пары недель, стыда уже не было, щёки не горели, - горела и рвалась наружу одна злость.

Ещё через неделю стрельбище посетила проверка. Заместитель коменданта лагеря, подполковник Кантарутти, был родом троллин из Аверанских лесов, располагавшихся в тысяче лиг от владений Вышней Тверди. В арбалетах он ничего не смыслил, зато хорошо помнил общий принцип обучения: уровни повышаются только на максимуме старания и усилий.

Подполковник Кантарутти долго смотрел, как тренируются арбалетчики, затем что-то сказал эльфу Леруа. Тот оставил стрельбы и объявил о новом правиле: теперь каждый будет стрелять не по три выстрела, а пока не попадёт в мишень. Попал - отошел, дал место другому. Не попал - ждут все, пока мишень не будет поражена, хоть даже если придется пропустить и обед, и ужин. Как только все отстреляются - стрельбы закончены. Если никто не будет тормозить, у всех появится окошко свободного времени перед обедом.

Новобранцы, со смешками, выслушали новый приказ.

Гуча...

Поначалу всё складывалось к получению свободного времени перед обедом: очередь продвигалось быстро, и хотя мишень была отставлена на 40 шагов, все попадали, не с первого раза, так с третьего. Каждый промах сопровождался незлобными шутками, а если кто-то отпускал неприличное словцо, смеялись ещё громче.

Когда очередь дошла до Гучи, новобранцы, уже попавшие в мишень и дожидавшиеся окончания стрельб, примолкли. Уже все знали, что он, по своей воле, занял единственный слот извилин рыбалкой, а не **мастерством арбалета**. Знали и о его визите к коменданту лагеря. Раньше некоторые даже восхищались его упорством, - молодец, не поддался давлению, настоял на своём. Но теперь... Близились время обеда. Свежий воздух, постоянные упражнения, - у молодых гремлинов был отличный аппетит, ещё не хватало про-

пустить столовую.

Гуча сделал выстрел.

Промазал, как всегда, и поспешил отойти.

Инструктор, сержант Леруа, и бровью не повёл. Но подполковник Кантарутти живо отреагировал на нарушение приказа:

- Курсант Камнеглот, марш на исходную позицию!

Гуча, насупившись, вернулся на место стрелка.

Стоит ли удивляться, что он промазал и на этот раз.

Он посмотрел на подполковника Кантарутти. Тот ждал.

Гуча выстрелил ещё три раза, и всякий раз - мимо мишени.

Эльф Леруа, наконец, его заметил:

- Господин подполковник, у курсанта Камнеглота не выучен **арбалет**.

- Я отдал приказ: все стреляют, пока не попадут.

- Малец ещё ни разу не попал в мишень. За три недели.

Гуча немного замедлился у тележки с арбалетными болтами. Нет, разрешения покинуть стрельбы не пришло, подполковник молчал.

Набрав стрел, юноша вернулся на позицию.

Ещё двадцать его выстрелов молодые гремлины созерцали молча. Затем стали подсмеиваться над Гучей. Затем начали злиться. Оставалось дожидаться, когда подполковнику Кантарутти надоест издеваться над ним и ему будет позволено отойти.

Или подполковник дожидается, когда в Гучу полетят камни?

Со стороны претория донесся звук гонга, означавшего приглашение в столовую.

- Ох, баранина... Варёная, с перчиком... - раздалось у Гучи за спиной.

- Полная тарелка варёных бобов в томате...

- Копчёные сардинки с сыром...

- Кровяная колбаска, три колечка, с лучком и горчицей...

- Гусь, запечённый с яблоками, солёный огурчик...

- Да прекратите вы! - рявкнул кто-то со слезой.

Гуча всё стрелял и промахивался.

- Ты и ты, - подполковник Кантарутти показал на двух новобранцев. – Подкатите к нему повозку стрел.

Спустя полчаса, красный, потный, со слезами на глазах, Гуча продолжал стрелять.

Когда раздался звук гонга, означавший завершение обеда, из толпы новобранцев, уже попавших в мишень, донёсся такой стон, будто вздохнула земля. Им вторила длинная вереница гремлинов, стоявшая за Гучей.

Гуча продолжал стрелять.

Да спиной у Гучи опять слышались насмешки, но теперь в них было мало от дружеской шутки. Этот дуралей, выучивший рыбалку вместо арбалета, оставил их без обеда. Руки бы ему поотрывать. По голове настучать. Какой же скотиной надо быть, чтобы такое устроить!

Гуча уже не замечал насмешек. Как заведённый, он выпускал стрелу за стрелой.

Мимо. Мимо. Мимо.

- Достаточно, курсант Камнеглот, - наконец проговорил подполковник Кантарутти, видимо, пресытившийся устроенной им забавой. - Следующий!

- Приказ есть приказ, и я его исполню, - сказал Гуча звонко, едва скрывая звенящую дрожь в голосе. - Буду стрелять, пока не попаду.

Кто-то позади него нецензурно выругался. Немедленно заработала плётка в руке у эльфа Леруа. Что бы ни случилось, салажонок не смел выражаться в присутствии начальства. Ещё кто-то ругнулся, - и плеть заплесала по другим плечам, по спине, по руке, поднятой для защиты. Леруа бил знатно, - ключьями полетела шерсть. Небольшой перерывчик, - и плеть стала гулять по спине и плечам нового желающего освежить разговор.

Гуча, стиснув зубы, продолжал стрелять.

Да когда же он попадёт, наконец? Когда он хоть раз попадёт? Закон мира: даже не имея таланта, он мог научиться стрелять из арбалета, пусть и на самом начальном, примитивном уровне. Или этот примитивный уровень не предполагает попадание в мишень?

Из тысячи выстрелов, даже с завязанными глазами, хоть один должен быть результативным, - пусть не в "яблочко", пусть в самый край мишени. И где?

Он почувствовал: его толкали в спину, с нарастающей силой.

Он оглянулся.

За ним стоял Питер Вольф. Дружок закадычный с такой ненавистью смотрел на него, что веко подрагивало.

Гуча врезал приятелю с полуоборота, от всей души, и отошёл.

Питер пошатнулся. Из сопатки побежала кровь. Зарывав, как зверь, он кинулся на Гучу, - схватил за рукав куртки, схватил за волосы, ударил под рёбра, попытался душить. Гуча отбивался и руками, и зубами. По плечам драчунов заходила плеть инструктора, но этим инструментом явно невозможно было ни разнять, ни охладить.

Когда их, общими усилиями, растащили, подполковник Кантарутти сказал скучным голосом:

- По тридцать плетей каждому. В следующий заход будет шестьдесят.

После экзекуции Гуча провалился без памяти до позднего вечера. Ему не мешали валяться на деревянном настиле, посыпанном опилками, где совершались казни, - считалось, что вид избитых нарушителей удерживает от проступков других. Питеру Вольфу досталось не меньше, но он был крепче дрыща Гучи, и поэтому убрался в свою палатку сразу после внушения. Палач, молодой огр, даже подходил к Гуче пару раз, трогал веко, смотрел, не закатились ли глаза.

Но нет, глаза у Гучи не закатились, и по ночной прохладе

он вернулся в свою палатку.

Все уже спали. Громко храпел Лукас Шмит, - молчун днём, ночами он был куда как громкозвучен. Братья Лехманы спали, закрывшись с головой одеялами. Матео Бауэр спал на земле, - во сне он всегда скатывался с раскладушки на примятую травку, к этому все привыкли.

Повалившись на койку, Гуча услышал шёпот Мартина:

- Сегодня треска была на ужин. Будешь?

- Да давай.

Гуча сел на койку и угрюмо стал жевать пережаренную треску.

- Арбалет никак не учится, - прошамкал он с набитым ртом и почувствовал: Мартин открыл его профиль.

- Очень странно... - Каппадокиец задумался. - За три недели - никакого прогресса? Это надо суметь.

- Я способный.

- Вижу. Расскажи, что ты делаешь, как стреляешь.

- Уфф... Да как сказать тебе. Да и зачем. Ты же не арбалетчик, чем поможешь.

- Пораскину мозгой, вот чем. Так что, как там это у вас делается, на стрельбище?

- Заряжать арбалет я научился в первый же день, - уныло начал рассказывать Гуча. - А хлебушка не найдется? Спасибо. Так, о чём я? Вроде стреляю как все, целюсь как все. Мишень мне не ставят какую-то особенную. Сейчас с сорока шагов стреляем, начинали с двадцати. Общие правила для

всех...

- С сорока шагов? - Мартин присвистнул. Вышло громко, Лукас Шмит прекратил храпеть и повернулся на другой бок.
- Дык тебе нужно с нуля арбалет поднять. Понимаешь? С нуля.

- Сам знаю, что с нуля. Хватит умничать, к чему ты klo-нишь?

- Когда разучивают гримуар с арбалетной стрельбой, то сразу получают пятый уровень, так?

- Да. - Это Гуче было понятно. - На первом занятии я посмотрел профиль у двух-трёх пареньков, у всех был пятый уровень в арбалете. Понятное дело, сразу после выварки, с гримуара выучили.

- Значит, у них появился шанс попасть из арбалета в мишень, пусть даже выставленную за тысячу шагов. Конечно, если мишень стоит далеко, шанс попасть будет мал, но он будет. И у тебя ноль в умении арбалета. Ты понимаешь? Ноль. Не первый уровень – нулевой. Сечёшь? Если на игровой кости нет цифр, сколько ни кидай, ни шестёрка, ни единица не выпадет.

- То есть я зря три недели выпыживался с арбалетом? И если я ещё сделаю тысячу выстрелов, то все они будут впустую? Но постой, - тут Гуче показалось, что он нашел изъян в рассуждениях приятеля. - Как же тогда учатся арбалетной стрельбе без таланта? Ведь это возможно, ты согласен?

- Конечно, возможно. Но делается это не так, как делал

ты. Всегда не так. Если тебе нужно выучить любое умение без таланта, сперва ты должен показать, что тебе это умение нужно. Заметить его, назвать, что-то сделать внутри него, и тогда оно появится в профиле. Так мне объяснял отец. Чего сидишь, как болван? Тебе нужно выстрелить из арбалета и попасть в мишень, хоть один раз, - тогда **мастерство арбалета** появится у тебя в профиле с первым уровнем.

- Из нас двоих один, точно, дебил, - сказал Гуча. - О чём я тебе толкую битые полчаса? Я три недели стрелял из арбалета и ни разу не попал!

- Это потому что ты стрелял на расстоянии двадцати, затем сорока шагов. А что тебе мешает перенести мишень поближе? Поставь её в пяти шагах от себя. Прوماжешь, - поставь в шаге от себя. Тогда уже промазать не сможешь, здесь действуют законы покруче, чем отрисовка наших профилей. Ты попадёшь в мишень, когда она уже и не будет мишенью, а будет простой загородкой на пути твоей стрелы. И - вуаля! Ты постиг мастерство арбалета!

- Это как если бы я сам нарисовал цифру 1 на каждой грани игральной кости. И ноль тогда не выпадет, - проговорил Гуча. До этого у него была голова как с похмелья, теперь погода установилась ясная, с прохладным ветерком.

- Угу. В Стоединой Истине сказано: "Мир сотворяет каждого, и каждый сотворяет мир". Это мне отец часто повторял. Странно, что инструктор с самого начала не пододвинул мишень к тебе вплотную, он не мог не знать, как разучива-

ется арбалет без таланта. Ещё трески? Смотри, какой хороший хвостик остался.

- Не. Не надо трески.

Гуча вскочил с койки.

- Ты куда? - окликнул Мартин.

- Да на стрельбище, куда ж ещё. Спи давай!

Позабыв про больную спину, Гуча выскочил из палатки.

В солдатском лагере не было стен. По очереди их назначали в наряд, быть ночными патрульными, но сейчас патрульных не было видно, - либо они патрулировали какой-то другой участок лагеря, либо спали. Гучу устраивали оба варианта.

Раны, нанесённые плетью палача, позабыты. Пригибаясь, он пробрался мимо палаток к длинному сараю, за которым находилось стрельбище.

В одном месте он прошел рядом с огром, вышедшим по малой нужде. Огр его не заметил, даже не насторожился. Гуча хотел из озорства толкнуть здоровяка в поясницу, но сдержался. Какое же это хорошее умение, маскировка, даже пятого уровня!

Арбалеты хранились за дальней дверью сарая, которая, как Гуча и ожидал, оказалась не заперта. Он взял арбалет, первый попавшийся, взял из тележки арбалетный болт. Стояла ночь, и что с того. Ему и лунного света хватит. Если же он не попадёт в мишень с пяти шагов, будет стрелять с расстояния одного шага. Не попадёт с одного шага, - оставит

между мишенью и арбалетом промежуток в два пальца.

Гуча поставил мишень на расстоянии трех или четырёх шагов от себя, даже не стал промерять. Быстро зарядил арбалет. Подумалось, - а ведь как сноровисто он заряжает, в первый день занятий он возился с каждой зарядкой не менее пяти минут.

Почти не прицеливаясь, Гуча выстрелил.

На таком расстоянии он мог не попасть в одном случае, - если бы арбалетная стрела принялась выписывать круги и рисовать восьмёрки, подобно какой-то пьяной мухе. Но нет, - физические законы не стали нарушаться только ради того, чтобы насолить одному настырному гремлину.

Арбалетный болт попал почти в "яблочко". (Если честно, ближе к краю, но тоже хорошо.)

Гуча почувствовал, словно его сзади обдало теплом. Он быстро открыл профиль и всмотрелся в конец списка.

Вот оно, новые строчки.

Вторичные навыки.

Мастерство арбалета, уровень 1.

- Метко стреляешь.

Гуча оглянулся.

В трех шагах от него стоял сержант Леруа. Гуче показалось, что глаза эльфа светились в темноте.

Инструктор арбалетной стрельбы жевал травинку и в упор рассматривал Гучу. А ведь до этого две недели в упор не замечал.

Эльф жил в этом же сарае, где хранились арбалеты, но с другого конца. Гуча был уверен, что передвигался практически бесшумно, и поэтому никем не замечен. Ошибался, заметили. Но как? Почему?

- На маскировку пятого уровня найдётся чуйка сорок первого, - лениво проговорил эльф, словно бы отвечая на вопрос Гучи. - Арбалет убери на место. Мишень отнеси, где стояла.

Гуча вернул арбалет и мишень на места и направился в сторону своей палатки, поглядывая на эльфа. Сержант Леруа не кричал, не тряс полномочиями, но и не уходил, с каким-то прищуром наблюдая за Гучей.

И Гуча не вытерпел:

- Я теперь арбалетчик первого уровня. У меня получилось.

- Знаю. Уже посмотрел твой профиль.

Гуча понимал, что некоторые вещи говорить не следует, но большой язычок и маленький заговорили сами собой:

- Сержант Леруа, а нельзя было мне в первый же день объяснить, как учат арбалетную стрельбу без таланта? Про выстрел вплотную нельзя было сказать?

Эльф молчал, покусывая травинку, затем проговорил лениво:

- Можешь заниматься на стрельбище утром, до подъема, и после ужина, до отбоя. Самоподготовка, так тебя в печёнку.

Развернувшись, сержант Леруа не спеша направился в сторону своего жилища.

* * *

Ох и тяжелы, и долги были эти три месяца подготовки к сладостям солдатской жизни. Каждое утро - марш-бросок, затем, до ужина, занятия. Чтобы догнать других гремлинов, Гуча ходил на стрельбище и утром, и вечером, в небольшие свободные "оконца". Усердие принесло плоды, - плюс три уровня за три месяца самоистязаний на стрельбах. Для гремлина, не имевшего таланта к арбалетной стрельбе, это было отличным результатом. За эти три месяца ребята с талантом к арбалету стали арбалетчиками шестого, а то и седьмого уровня. И всё равно, Гуча уже не смотрелся «белой вороной», поскольку в мишень, пусть редко, попадал, со своими четырьмя уровнями в арбалетной стрельбе.

А вот пятый уровень в арбалете никак не хотел даваться. На самоподготовке Гуча двигал мишень и так, и этак. Приблизит, - нет тренирующего эффекта. Далеко отставит - сплошь промахи. А ведь он мог, по законам этого мира, установленным Стоединым, он мог взять 5й уровень в мастерстве арбалета!

Как-то вечером, когда другие новобранцы играли в кости и травили байки, он, насупившись, в очередной раз долбил эту неприступную твердыню. Вдруг он услышал за спиной покашливание, будто кто-то подавился смешком. Для Гучи это было привычно, - если зубоскал подходил слишком близко, рядом имелся отличный ивовый прут.

Он оглянулся, собираясь увидеть какого-нибудь огра или каппадокийца. Единоплеменники гремлины его обычно не доставали.

Рядом стоял пожилой лисовин без знаков отличия, в плаще простого покроя. Ростом - как Гуча, седоватая шерсть, когда-то ярко-рыжая, теперь поблекшая. Как у всех лисовинов, большие лисьи уши стояли торчком. Шерсть на ушах полностью поседела. Правое ухо было разорвано до основания, разрыв зарос шерстью, так что издали могло показаться, будто у лисовина три ушные раковины, - видимо, в юности дядька был молодечком.

Гуча никогда не видел этого лисовина, но тут ничего необычного не было, - он же не крутился на офицерской кухне, как Мартин. Огров и каппадокийцев обучали свои офицеры, до которых Гуче не было дела.

- Взял рыбалку вместо арбалета? - Лисовин улыбался, меж острых зубов плясал розовый язычок. - И как тебя угораздило, паря? Очень рыбку покушать любишь?

Гуча хотел сказать, что его рыбалка - совсем не про то, чтобы набить брюхо рыбой (хотя, а почему бы и нет). Но лисовин, не дожидаясь ответа, продолжил:

- Теперь, вижу, взялся за ум.
- Пятый уровень никак не дается, - хмуро сказал Гуча. - Поднесу мишень поближе, что ли.
- Погодь. Я в арбалете не большой мастер, я по кинжалу больше. Но дай-ка вспомнить, как я сам арбалету учился.

Гуча, страшась своей наглости, попытался открыть профиль лисовина. Ничего не вышло. Неужели - Герой? Неужели он разговаривает с Героем? У Гучи захолонуло сердце. Только Герои умели открывать и закрывать свой профиль, пряча от чужих глаз личную информацию, у простолюдинов такая возможность отсутствовала.

Лисовин как будто и не заметил того, что кто-то лез к нему в профиль.

- Ты стоишь неверно, - сказал он Гуче. - Вот сейчас ты скорее попадёшь в ту елку, чем в мишень.

Лисовин быстро придал Гуче нужную позу, обращаясь с его телом, как скульптор с глиной. Возможно, Гуча взбрыкнул бы, он же не тряпичная кукла, но лисовин действовал уверенно и без насмешек.

- А теперь целься. Давай!

Гуча спустил тетиву. Свистнула арбалетная стрела - и угодила в мишень. Правда, попала не в "яблочко", а в самый край мишени, но и это был поступок. До этого Гуча ни разу не попал в мишень с такого расстояния.

- А теперь почему не в "яблочко". Дай-ка! - Лисовин взял у Гучи арбалет, сам прицелился, затем вложил арбалет в руки Гучи. - Так... чуть выше... Давай!

Гуча спустил тетиву.

Раньше, чем стрела попала в центр мишени, юноша почувствовал характерное тепло, будто какой-то великан дынул ему в спину.

- Пять уровней в арбалете, - проговорил лисовин с таким чувством удовольствия, будто это ему дали новый уровень, а не Гуче. - Знаешь, что для вторичного навыка это предел?

- Знаю. От рыбалки отказываться не буду. Не хочу. Стрелять из арбалета уже нравится, но... Не могу я отказаться от рыбалки! Не хочу! Не буду!

- Да чего ты распетушился так, - усмехнулся лисовин. - Оставайся со своей рыбалкой, я тебя ни к чему не принуждаю. Прощай, курсант Гуча Камнеглот!

- Господин... сэръ... Я хотел открыть профиль, посмотреть имя...

- Мастер Кардоньяк, к твоим услугам, - лисовин шутливо поклонился и ушёл.

Вечером Гуча узнал от Мартина, что в комендатуре с утра стояла суматоха, - начальство ожидало прибытия инспектора из самого Замка. Этот инспектор был ближайшим подручным одного из девяти Героев-Правителей Замка, мага Зиновия Абрамса.

- Комендант вместо зубровки выпил рома, так разволновался, бедняга, - весело рассказывал Мартин.

- И его не развезло?

- С двух стопариков-то? Он пропитой, с двух стопариков не свалишь. Только суетился больше. А про инспектора болтают, что его (тссс!) побаиваются сами наши правители. Такой пройдоха.

- Ты его видел-то? Так страшен чёрт, как малюют?

- Никто не видел, - Мартин перешел на зловещий шёпот.
- Но он был, точно, и комендант после этого налакался до полной отключки.

- Наш комендант? - Гуча не знал, верить Мартину или нет, кападокиец любил подбрехнуть. - Полковник Шнайдер, строгий такой. Орал на меня.

- Это что. А ты бы послушал, как он орёт, когда напьётся и обделается. Так вот. Про инспектора говорят, что он даже по лагерю ходил, осматривал всё. Не то под невидимостью ходил, не то под иллюзией.

- А имя-то инспектора знаешь?

- Кардоньяк. Мастер Кардоньяк, почему-то все так зовут. И никто не знает, каких дел он мастер.

Они помолчали.

Гуча проговорил тихо:

- Ко мне подходил один пожилой лисовин, когда я на стрельбище... ну, ты знаешь. Сказал, что он - мастер Кардоньяк.

- Орал не тебя? Грозился? Поколотил?

- Да нет. Помог взять пятый уровень в арбалете и ушёл. И, знаешь, - я не смог открыть его профиль. Он - Герой?

- Да не, не Герой. Из наших. Простолудин, то есть. Но какого-то редкого премиум-класса. Говорили, я запомнил.

- А почему его профиль не открылся?

- Значит, артефакт лежал в кармане с заклинанием сокрытия профиля.

Гуча не знал о такой возможности.

- Значит, и я смогу скрывать профиль, если захочу?

- Да. только накопи сто тысяч золота на артефакт. Или миллион. Да и на кой оно тебе. Чего нам скрывать, показатели пустяковые.

С последним Гуча не мог спорить.

- Если ты откажешься от рыбалки и выучишь арбалет как талант, то эти пять уровней, которые у тебя сейчас в арбалете, перейдут в талант, - сказал Мартин. - То есть, выучив гримуар с арбалетом, ты будешь не арбалетчик 5-го уровня, а сразу десятого. Знал это?

- Теперь знаю. - Информация была интересная, но бесполезная на данный момент. - Я не откажусь от рыбалки, - сказал Гуча. - Что там слышно про гримуары с арбалетной стрельбой для нас? Надеюсь, их не привезли?

- И не привезут, не беспокойся, - успокоил Мартин. - Я слышал, коменданту пришел формальный отказ из центрального склада, за подписью и печатью. Гримуары выдаются вербовщикам и не выдаются в солдатские лагеря, как-то так.

- Полковник Шнайдер при мне начал писать кому-то из Героев-правителей... Как я понял, жаловался на вербовщика, на нас, и чтобы дали гримуары.

- И это мимо. Делов-то нашим правителям до нас и полковника Шнайдера. Уверен, ему даже не ответили. Так что будь спок, - твоя рыбалка останется при тебе. Как и моё "со-

противление огню".

* * *

В отличие от Гучи, Мартин целыми днями проводил на кухне. И преуспел на этом поприще больше, чем Гуча – в стрельбах и марш-бросках. Мартин стал любимчиком кухмейстера, подполковника Мориша.

Подполковник Мориш, грузный, добродушный огр, имел в основных способностях кулинарию, покаченную до невиданного 49-го уровня. А вот в грамоте не блистал, самая простая бумага казалась ему вздорной головоломкой. Когда какой-то паренёк добровольно вызвался составлять графики дежурств, поначалу Мориш счел это насмешкой, думал, что парень нарочно заперет дело. Или не нарочно, но всё равно, заперет. Однако после первого же графика, составленного Мартином, количество жалоб на неверное распределение дежурств резко сократилось. На складе Мартин показал, как нужно хранить продукты, чтобы меньше портились. Оказывается, подкопчённое мясо хранится значительно дольше. Так на заднем дворе столовой появилась коптильня. Когда же Мартин в первый раз съездил за провиантом в ближайший городок, подполковник Мориш торжественно вручил ему ключи от кухни: Мартин закупил продукты по цене значительно меньшей, чем это делали все посланцы до него (попутно Мартин приобрел пару заклятых врагов на кухне, но

это его мало беспокоило, - за него стоял горой подполковник Мориш.)

Очень скоро с голодом в палатке Гучи было покончено. Пока другие новобранцы, после посещения столовой, слонялись по лагерю, в попытках перехватить где-нибудь ещё кусочек, Мартин закрывал палатку и устраивал пир горой, причём некоторые продукты были с офицерской кухни. Ребята объедались жареной рыбой, тушеной крольчатинной, ароматным салом. А обгорелых лепёшек Мартин всегда приносил целое ведро, было из чего выбирать съедобные части.

Устраиваясь спать, Мартин обрушивал на Гучу поток болтовни. В основном, это были лирические переживания Мартина об утраченной магии и грёзы о будущем. Но не всё было пустое, некоторая информация показалась Гуче интересной. Оказывается, каждая способность имела 4 Грани, которые нужно было преодолевать: на 10-м, 30-м, 50-м и 99-м уровне. Некоторые гримуары давали не способности, а новые слоты для извилин. А другие гримуары совмещали в себе возможности двух или трех гримуаров попроще, их называли гримуарами звёзд, поскольку познавались они через звёздный свет и с особыми, часто смертельными, рисками.

- Такой гримуар стоит, наверное, миллионы, - сказал Гуча.
- Точно. Проще украсть, чем заплатить.
- И за кражу тебе отрубят руку, которой крал, - Гуча дважды видел такую экзекуцию в своей деревне.
- Маг должен иметь много заклинаний, чтобы быть гото-

вым к любым поворотам, - отвечивал Мартин. - В **основных способностях** мало заклинаний. Придется покупать гримуары, а слотов в извилинах тоже мало. Если по слоту на заклинание - не очень разгонишься. Говорит, в гримуаре Нила Безбородого 18 заклинаний, и все поместятся в один слот.

- Да нет таких гримуаров, врешь ты всё.

- А я говорю, - есть!

В такие минуты Гуче хотелось напомнить, что Мартин - разведчик-мародёр, так что все рассуждения о магии не более чем пустая болтовня. Но он смотрел на Мартина, - возбужденного, с блестящими черными глазами, словно уже раскрывающего гримуар Нила Безбородого. И - Гуча молчал.

А иногда не молчал и напоминал про экзамен. Мартин только смеялся.

* * *

Листва начинала желтеть, осень вступала в свои права. А вместе с тем, пришло время для Гучи подводить итоги: закончились три месяца солдатской подготовки, экзамены были назначены на следующий день.

И итоги были не очень. Три месяца потуг, солёного пота и прочих телесных истязаний, и что он имеет? Чем потрясёт воображение Агнессы?

За эти три месяца он видел Агнессу трижды. Два раза в столовой и один раз на плацу перед преторием. Через плац Гуча шёл в строю, так что он видел Агнессу только издали. А вот в столовой он подошел к ней, оба раза подходил, на такое расстояние, чтобы можно было просмотреть её профиль. И он начинал жёстко просматривать её профиль, - то открывать, то закрывать, - детская шалость, которую часто устраивали в школе на переменках и которая страшно бесила. Первый раз она долго искала, кто беспокоит её, увидела его, - и шутливо погрозила кулаком. Во второй раз она сразу заметила его, направилась к нему, - её окликнули. Какой-то каппадокиец, - обычно они невысокие, но этот был крупный, широкоплечий, с короткой курчавой бородёнкой, чёрной как вороново крыло, каждый волосок блестел. Лакировал бороду, что ли.

И Гуча видел, как Агнесса, оглянувшись на оклик каппадокийца, поспешила на зов, позабыв совершенно про деревенского страдальца.

Мартин мыл раздаточный стол, и Гуча подошел к нему:

- Знаешь этого длинноногого?

- Алекс Дорман. В этом году - единственный из наших, у кого премиум-класс. Маг огненных сфер, так называется.

Гуча, хмурясь, отошел.

Да в конце концов, могли же Агнессу окликнуть ради какого-то пустяка, - например, спросить, сколько времени до конца света. Не станет он ревновать её к каждому столбу. Да

и вряд ли Агнессе захочется плодить полукровок. Вот если бы это был Эрих Вернер, тогда, конечно, этому стоило бы набить морду.

От серьёзного разговора с Агнессой Гучу удерживало то обстоятельство, что, как ни крути, чемпионом сезона он явно не стал. А ведь он хотел подкатить к ней во всём блеске высоких показателей. И что он мог поделаться? В арбалетной стрельбе он достиг потолка, - чтобы разучивать арбалет дальше, нужно было иметь талант, которого он не имел. Он, разумеется, с самого начала понимал, что **мастерство арбалета** - не его козырная карта. Козырями должны были стать **маскировка** и **мародерство**. Занятия по **маскировке** были похожи на игры в прятки, но весьма изощрённые, - инструктор, престарелый сержант Хертман, даром что был старик, своё дело знал отлично. Гуча старался изо всех сил и сумел прибавить 5 уровней. Получается, всего у него стало 10 уровней в **маскировке**, лучший показатель в их группе. А далее дело затормозилось, - он достиг Первой Грани.

Ох уж эти Грани Перехода! О Гранях Гуча слышал ещё в школе, больше от друзей-товарищей, чем от учителей. О Гранях рассуждали и выпивохи в трактире, - Гуча много чего наслушался там, когда приходил за родителем.

Грани - это были препятствия в росте по уровням, которые имелись в каждой специальности. Когда хотели назвать недотёпой, говорили: "Этот не доползёт и до Первой Грани". Но вот Гуча дошёл до Первой Грани, первый из группы по-

лучил **маскировку** 10го уровня. А дальше-то что?

Юноша обратился к инструктору. Дедок погрозил пальцем шутливо:

- Так тебе и скажи. Молодой, да ранний! Сам должен догадаться.

Гуча догадаться не смог, спросил у Мартина.

- Там что-то такое надо сделать. Особенное... - Каппадокиец начал щелкать пальцами и дёргаться, изображая танец.

- Это сам знаю, - сказал Гуча. - А что должен сделать я конкретно? Догадки есть?

- Может, тебе нужно подкрасься к кому-то и стырить что-то. Или вынырнуть из тени и кого-то прикончить. Чур, не меня!

Мартин знал ответы на многие вопросы, но явно не на этот. Да и с какой стати ему знать Грани в **маскировке**. Он грезил возвращением в обличие огненного мага, на способности разбойника-мародёра ему было наплевать.

Гуча начал расспрашивать других новобранцев. Никто толком ничего не знал. Из всего услышанного, Гуче запомнились слова великовозрастного Матео Бауэра, любившего напускать на себя вид гремлины бывалого. Про Грани в маскировке Бауэр знал не более прочих, но он кое-что объяснил Гуче.

- Знаешь, почему инструктор отморозился от тебя? А ведь Хертман - дядька не плохой.

- Почему?

- Потому что Грань перейти - это не в прятки играть. Инструкторам что надо? Оттарабанил свою тему - и полез в бутылку. Не будут они помогать нам проходить Грани. Дорос до 10 уровня - молодец, и будя с тебя. Правители Замка с них не требуют, чтобы они с нами Грани проходили, ну и зачем выпыживаться.

В мародёрке Гуча преуспел поменьше, чем в маскировке, - плюс три уровня за три месяца. И не потому что ленился. Многие набрали три уровня, как Гуча, но никто не набрал больше. Как оказалось, тренироваться в мародёрстве - это не носовые платки друг у друга красть. Мародёрство начиналась с узнавания предмета, какой ценный - какой нет. Инструктор по мародерству был бритонец, капитан Вилсон, единственный представитель человеческой расы в лагере. Занятие начиналось с того, что он высыпал на зеленую травку из рюкзака кучу всякой дряни вроде разноцветных камешков, использованных зубных щёток, мыльниц, зубных коронок вместе с зубами. Однажды в куче оказаласьдохлая белка, часто поблескивали мелкие монеты. Курсант должен был быстро разложить вещи на две стопки, не разглядывая, - что имеет цену и что нет. А дальше начинались попытки прочитав описание предмета. Кто не мог прочитав, должен был запомнить название предмета и его свойства со слов инструктора, кто запоминал лучше и больше - далее мог сам прочитав больше описаний. Гуча решил, что именно так это работало. Таким образом, он поднял три уровня в мародёр-

ке, но дальше заколодило.

Дальше пошли занятия по свежеванию, - капитан Вилсон приносил то кролика, то дохлую сороку. Мародер должен был быстро разделать тушки, отделяя для себя лучшие части. Гуча знал, что надобно было делать, всё же 8й уровень в мародерстве, но от свежевания трупов его мутило, и, наверное, поэтому далее в уровнях он не рос.

Пять уровней в **арбалете**, десять - в **маскировке**, восемь - в **мародёрке**. И этим он завлечёт в свои объятия Агнессу?

Оставалась последняя надежда выскочить вперёд соперников, - прославиться на экзамене. Среди новобранцев ходили всякие истории, как проходили экзамен их предшественники, и всегда это было что-то реально трудное, не учебное - настоящее. Можно сказать, экзамен проводился в бою. А где же, как не в бою, следует завоёвывать сердце дамы?..

* * *

- Лодыри! Бездельники! Пёсья trebuха! - полковник Шнайдер выражался прямее. - И ещё эти два дурака, рыбак и маг недоделанный. Кто сдаст экзамен - получает 50 золотых и неделю отпуска. Кто не сдаст, - вон из армии и в рудники. За год, может, отработаете то, что Его Светлости потратили на ваше обучение. А я знаю, что не сдаст половина, и у меня уже приготовлены кандалы. Подполковник Кантарутти!

Мартин шепнул Гуче:

- Смотри, какие мы знаменитости, - о нас помнит сам пол-

ковник!

Высокий зелёный троллин дал вводную, отграничивая каждую фразу постукиванием трости:

- Сейчас мы разобьём вас на отряды по 7-10 новобранцев. Слушайте номера, номер рядом с вашим именем - это номер вашего отряда. Всего отрядов 156. Вы видите здесь шесты, на каждом - номер отряда. Кого называю, подходит к шесту со своим номером. Всем раскупорить уши, два раза не повторяю. Задача: проредить волчье поголовье в округе. Каждая группа должна принести столько волчьих шкур, сколько курсантов в группе. Не хватает одной шкуры - вся группа отправляется на рудники. Старшими в группе тоже будут курсанты. Сержант Бертран скажет, кто. Готовы? Сержант Халед!

Сутуловатый каппадокиец стал зачитывать список. Он был инструктором по огненной магии, занимался с магами лавы. Выправка у него была явно не армейская, хотя что спрашивать выправку с мага.

Гуча получил номер 149 и оказался в одном отряде со своими соседями по палатке. Он был рад этому, - они отлично ладили, имея за три месяца всего 4 потасовки, два расквашенных носа и один выбитый зуб. К ним шестерым отцы-командиры, или кто там составлял списки, добавили двух огров, Тима и Ванта. Оба были мечниками с выученным умением "**мастерство щита**".

Когда огры пожимали руки, Гуча невольно сравнил: его

рука была как лапка какого-то кузнечика на наковальне. Ещё к ним в отряд добавили мага лавы (балахонщика, как шуточно называли в лагере магов за их уставные длиннополые плащи). Мага звали Нимрель, и он единственный был в отряде такого же 26го уровня, как и Гуча. У остальных был общий уровень на 1-2 меньше, а у Мартина вообще был 17-й уровень, с каким он и пришёл в лагерь, - кажется, ни у кого в лагере Гуча не видел более низкий.

Мартин почувствовал, как Гуча просмотрел его профиль. Увидев испуганный взгляд приятеля, каппадокиец пренебрежительно махнул рукой.

- Не трусь, прорвёмся. Говорю тебе, все сдадут экзамен. Угу, и я сдам, не сомневайся.

Разделение на группы проходило медленно, и было закончено далеко за полдень. Уже были рассказаны все байки и загажены все кусты, когда в их сторону, наконец, зашагал лагерный писарь.

Гуча напрягся. Писарь разносил приказы для каждой группы с конкретным заданием, куда кому двигаться. И, что было гораздо важнее, он зачитывал с листа имя старшего группы.

Самый большой общий уровень в группе был у двоих, у Гучи и у мага.

Глядя на семенящего писаря, Матео Бауэр сказал:

- Что, Гуча, можно поздравлять? Быть тебе, походу, старшим.

- У мага тоже 26й уровень, - сказал Готфрид Лехман.

- А где ты видел, чтобы мага предпочли разведчику-маро-деру?

- А что ж у разведчика-мародера такого замечательного, что он, как командир, превосходит мага? - спросил Лехман.

- А ты подумай, - спокойно сказал Матео Бауэр. - Случись чего, у кого маскировка? У мага нет маскировки. У Гучи - есть. Если всех нас перегрызут, Гуча сумеет убраться с докладом.

- А какое дело волкам до его маскировки? Если всех нас перережут, они вычислят Гучу по запаху и тоже им перекусят.

Гуча бросил быстрый взгляд на мага.

За всё время, пока они переминались в ожидании, только маг не рассказал ни одной байки. Да и вообще, не сказал ни слова. Надушенный и завитой, он поглядывал на других курсантов как аристократ на плебеев. Он не стал вступать в спор двух гремлинов, только усмехнулся.

А вот и писарь.

Маленький гремлин сверил номер на шесте со своей бумажкой и, откашлявшись, сказал:

- Кто так надушился, солдат должен пахнуть совсем не этим. Ладно. Маг Нимрель кто? Назначаешься старшим группы. Вот задание, - писарь передал магу свернутый листок бумаги. - На кухне возьмёте сухой паёк.

Гуча едва скрыл разочарование.

Нимрель принял назначение как должное, даже не улыбнулся. Быстро просмотрев бумагу, он сказал:

- Мы должны зачистить урочище Каюх, что за Сосновым Перевалом. Срок - неделя, выступать прямо сейчас. Нас девять, - значит, надо добыть 9 шкур. Если шкур добудем восемь, - значит, кто-то в лагерь не возвращается. Это ясно?

- Да оса тебе на язык! - возмутился обычно молчаливый Лукас Шмит. - Это кто именно в лагерь не возвращается?

- Я не возвращаюсь, - сказал маг, не задумываясь. - Устраивает?

Начавшийся было ропот сгинул в зародыше.

- Так, что тут у нас, - Нимрель быстро осмотрел профили подчинённых. - Огры идут впереди. У кого разучен арбалет - всем взять арбалеты на складе. А ты... - Он на миг задумался, глядя на Мартина.

- Я тоже маг, только бывший, - сказал Мартин. - Могу плясать и анекдоты рассказывать.

Гуча ожидал, что Нимрель разразится гневной тирадой по причине отсутствия у Мартина боевого умения, но тот и глазом не повёл.

- Ты же на кухне был? Значит, будешь у нас кашеваром. Следопыты будут искать волков, а мародеры - снимать шкуры, это понятно. Теперь, - на кухню за пайком, на склад за арбалетами и в лес.

- Пойдите, пойдите, - Мартин по-шутовски замахал руками. - Я курицы не разделявал, а тут - волков. Можно, я

буду только кашеваром?

- Из тебя не вышел маг, - ещё не хватало, чтоб не вышел разведчик-мародёр, - отрезал Нимрель. - Хватит болтать! Идём!..

На кухне им выдали сухие пайки на пару суток.

- И это всё? - спросил Гуча у кладовщика, разглядывая содержимое своего вещевого мешка. Питалово на двое суток исчезло в нём как в бездне.

- Могу ещё дать по щам, - сказал весёлый кладовщик, молодой огр, на две головы выше Гучи.

Гуча, мрачняя, начал бороться с желанием погрузить кулак в жирный живот огра (выше он бы не дотянулся). Тут его внимание привлекло зрелище: Мартин тащил из подсобки большой мешок, так что сам мог только волочить, а не нести. Поймав взгляд Гучи, каппадокиец затараторил:

- Десять колбас, пять жареных куриц, копченая грудинка, три головки сыра и ананас. Крупы, сухари. Котёл. Да не украл я, не трясись. Что кухмейстер разрешил, то и взял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.